

АННУШКА

(Повесть)

Рутковский Владимир

Аннотация

Повесть о маленькой школьнице Аннушке, о ее маме, уехавшей в командировку «на самую смелую стройку – БАМ», о дружбе с дядей Володией и сельскими школьниками, придумавшими интересный «секрет», чтобы доставить радость ребятишкам, живущим на БАМе.

Аннушке – моему помощнику по работе над этой книгой – посвящаю.

«НЕ МЕШАЙТЕ МНЕ РАБОТАТЬ»

У меня всегда было очень много друзей. Однажды я принялся за подсчёты, но в конце концов бросил это занятие. Не то что не хватало пальцев – просто сбился со счёта.

Одни мои друзья – лётчики, другие плавают по далёким морям-океанам, третьи обучают в школах детей. Есть даже один знакомый водолаз, который не раз приглашал меня опуститься на дно Черного моря. В водолажном костюме, конечно.

– Ты даже представить себе не можешь, как там чудесно! – уговаривал он меня. Может быть, на морском дне и вправду чудесно. Может даже больше чем чудесно. Но меня интересовало только то, как я потом выберусь оттуда... Ему ничего, он привык, а я ведь никогда еще не надевал на себя тяжёлый водолазный костюм. Так что теперь я стараюсь держаться подальше от моего гостеприимного друга-водолаза.

Все мои знакомые утверждают, что очень трудолюбивый человек, другого такого, мол, еще поискать надо. Сначала я только весело посмеивался: ведь нет ничего легче, чем прослыть трудолюбивым. Встречаешь, допустим, знакомого. «Как я рад, что вижу тебя! – радуется он. – Может, прогуляемся?»

А тебе и самому этого хочется. Но если ответишь: «С удовольствием!» – можешь считать, что ни один человек на свете не назовет тебя трудолюбивым. Чтобы этого не случилось, нужно отвечать так:

«Я бы, конечно, с удовольствием прогулялся с тобой, – и в раздумье почешешь затылок. – Но, понимаешь, у меня очень важная работа... – И только после этого можешь решительно махнуть рукой: – Да ладно уж, пошли прогуляемся...»

Теперь можешь гулять сколько тебе угодно. Все равно знакомые не заподозрят тебя в безделье. Напротив, каждому будет очень стыдно, что он отрывает тебя от какой-то важной работы.

Этому меня научили уже давно, несколько лет назад, и теперь мне самому иногда кажется, что я очень трудолюбивый. Трудолюбивей всех, только вот

друзья иногда мешают...

Каждый день, сразу же после завтрака, спешу в свою комнату. И предупреждаю всех:

– Пожалуйста, не мешайте мне работать.

Для начала я усаживаюсь на широкий подоконник и смотрю, что делается во дворе. Но там, как всегда, не бывает ничего интересного. Ну, мамы да бабушки прогуливаются с разноцветными колясками, старики дремлют, прикрываясь газетами, на зелёных скамейках. Иногда подерутся прилетевшие откуда-то голуби. Да каждый день ребяташки гоняют мяч под моим окном. И конечно, громко кричат. Но я их всё равно перекрикиваю:

– Вы чего это раскричались? Вот я вас!.. – И, высунувшись из окна, наблюдаю, как они разбегаются в разные стороны, чтобы через минуту поднять крик в противоположном углу двора.

Знаю я их, они и не на такое способны... Иногда просто диву даёшься. Один мальчишка, когда я прихожу в гости, часто мне говорит:

– Ты подарков не принёс, нет? Ну, тогда я реветь буду...

И так старается, что в самых горластых детских яслях могут позавидовать.

Но больше всего мне запомнился такой ребёнок.

Пришли как-то мы, взрослые, в гости к своим хорошим и приветливым знакомым. Пьём чай, разговариваем о своих серьёзных делах. Да только не очень внимательно слушаем друг друга, потому что хозяйкин сынок на четвереньках бежит под столом, изображая злого волка. Треплет наши брюки крепкими зубами...

Надоело это нам наконец, взяли мы и выставили этого «волка» за дверь. Пусть постоит, подумает, как нужно себя вести. Вздыхаем с облегчением, разговариваем. Только слышим – из-за двери раздаётся детский голосок.

Жалобный такой и тонкий, словно у потерявшегося котёнка:

– И никто меня не лю-у-бит... И никто меня не жалеет... А я такой маленький, такой несчастный, что ни в сказке сказать, ни пером описать...

Конечно, же, все сразу бросились любить его да жалеть, угощать самым вкусным... И он снова полез под стол, волка принялся изображать.

Думаю, что и детишки, которых я только что разогнал, тоже не лучше.

Наведя во дворе порядок, беру со стола карандаши, бумагу, ложусь на диван и начинаю трудиться. А чтобы лучше работалось, закрываю глаза. И так могу проработать до обеда. Но перед обедом хоть один глаз да открываю и заглядываю на кухню. Кому же не интересно знать, что там на третье приготовили – компот с грушами или всего лишь чай с лимоном...

ЗВОНОК

Но однажды, когда я только начал трудиться, в квартире прозвучал звонок.

Я не на шутку рассердился: интересно, какой это смельчак решился оторвать меня от работы?

Повернулся на другой бок, смотрю на будильник – молчит. Прислушиваюсь к дверному – звонку – тихо. А может, это звенит в моём ухе?

И снова звонок. Длинный, требовательный... Ах, вот оно что:

У меня зазвонил телефон.

– Кто говорит?

Нет, не слон. Одна моя знакомая. У неё, между прочим, тоже есть ребёнок. Аннушка. Недавно ей пошёл девятый год, я ей на день рождения говорящую куклу Катю подарил. Аннушка – самая скромная и застенчивая из всех детей, которых я только встречал.

– Извини, пожалуйста, за беспокойство, – сказала Аннушкина мама. – Ты, наверное, работаешь?

– Как всегда, – отвечаю ей.

– Тогда ещё раз извини, у меня к тебе очень большая просьба.

– Что-нибудь случилось? – спросил я.

Она помолчала.

– Понимаешь, вчера мне позвонили из редакции и сказали, что я должна срочно выехать в командировку.

Командировка – это когда родители вдруг уезжают по каким-то делам, а дети остаются в доме одни и могут делать что хотят.

– И далеко уезжаешь? – спрашиваю я.

– Да нет, не далеко, – отвечает она. – На Байкало-Амурскую магистраль.

Ничего себе – «не далеко»! Самым скорым поездом и то за неделю не доедешь!

Правда, самолётом намного быстрее, но всё же...

– И надолго?

– Как тебе сказать, – замялась она, – недели на две, на три, не больше.

– Очень рад за тебя, – отвечаю ей искренне. – Это, наверное, так интересно!

И вправду, очень интересная командировка предстоит Аннушкиной маме. Даже завидно. Незнакомые места, реки, тайга. Приключения всякие. Нет, я бы на её месте никогда бы не отказался от такой командировки! Вот только почему она говорит о ней без радости? Так я и спросил.

– Что ты, я очень рада, – ответила она. – Только ведь знаешь, Юра тоже в командировке и не скоро возвратится. Он на Чукотке...

Юра – это Аннушкин отец: Он сейчас снимает для детей очень интересный кинофильм. А заодно на вулканы смотрит, морскими котиками любит.

– Тоже счастливый, – вздыхаю я. А знакомая продолжает:

– Но всё дело в том, что мне не с кем Аннушку оставить. Прямо ума не приложу, что мне с ней делать.

– Послушай, Ирина, – сказал я. – Насколько мне известно, она вместе с классом на школьной даче отдыхает!

– Сегодня утром возвратилась, – отвечает Ирина. – И что с ней делать, не знаю.

– Да-а, дела... – Я тоже не знал, что делать с Аннушкой. – Не знаю даже, что тебе посоветовать.

– Но ведь у меня же командировка горит! – чуть не заплакала Ирина. –

Представляешь, горит такая интересная командировка!

– Представляю, – отвечаю ей:

– Да, это очень плохо, когда командировка горит. И вообще плохо, если что-нибудь горит. Даже если нет дыма и огня – всё равно плохо.

– А почему бы тебе не оставить Аннушку у кого-нибудь из своих знакомых? – спросил я.

– Пробовала,– с отчаянием говорит Аннушкина мама.– Только все они, как назло, в отпуск уехали... Вот если бы у тебя нашлись такие знакомые...

– Обожди минутку, – говорю ей. – Сейчас что-нибудь придумаю.

И начал я вспоминать, кто из моих знакомых остался дома. Вспоминал, вспоминал, да ничего вспомнить не мог. Много у меня знакомых, больше всех, но они тоже разъехались. Один я остался. Взять Аннушку к себе? Но её нужно кормить, а я готовить не умею. Разве что чай. Потом, нужно её одевать, водить на прогулки и вообще воспитывать. Но воспитателем Я никогда ещё не был. Как-то не приходилось.

Я уже хотел сказать Аннушкиной маме, что напрасно она мне позвонила, только время даром потеряла. Но тут вспомнил, что только вчера вечером получил из деревни письмо. От моей мамы. «Приезжай, сыночек, ко мне, отдохнёшь хоть немного, а то, наверное, совсем уж заработался в своём городе».

– Кажется, могу тебе помочь,– отвечаю в трубку. – Вот именно сейчас собираюсь в деревню, к своей маме. Отдохну там немного, а то уж совсем заработался... Если хочешь, могу и Аннушку взять с собой.

– Что ты! – нерешительно запротестовала Аннушкина мама.– Это было бы, конечно, очень хорошо, но ведь там все незнакомые, да и мама твоя вряд ли обрадуется.

– Ничего, она у меня добрая и любит принимать моих друзей,– успокаиваю я Ирину.– Да к тому же фрукты начали поспевать, овощи всякие...

– Фрукты? – Задумалась Аннушкина мама. – Ну ладно,– сказала она наконец. – Большое тебе спасибо.

– Не за что,– скромно отвечаю я и уже собираюсь положить телефонную трубку.

ЗАСТЕНЧИВАЯ АННУШКА

– погоди, пожалуйста, секундочку,– попросила Аннушкина мама.– С тобой Аннушка хочет поговорить.

– С удовольствием, – отвечаю я, а сам отодвинулся подальше – приготовился слушать Аннушку.

Как всегда, в трубке раздался какой-то страшный треск и грохот, который бывает только тогда, когда бульдозеры ломают старый деревянный дом. И сквозь этот грохот донёсся торопливый детский голосок:

–. Это ты, Володя? Здравствуй! Аятольковчеравечеромиз... – Здесь голосок набрал побольше воздуха и продолжал: – Лагеряприехалаохиздоровотам!

Она всегда так разговаривает по телефону, словно опасается, что её могут не дослушать и на самом интересном месте бросят телефонную трубку. И никому ни разу не удалось заставить ее говорить медленнее.

– А что это так загрохотало? – поинтересовался я.

– Это мой чемодан загрохотал, – охотно пояснила Аннушка. – Я тебе один значок доставала в подарок... А ты что сейчас делаешь?

– Сейчас я разговариваю с тобой, а перед этим работал.

– А почему ты со мной не поздоровался и не поздравил меня с приездом? Вот тебе и на! Я даже обиделся немного.

– Да разве в твой разговор можно вставить хоть одно слово, как ты думаешь?
– А какое ты хотел вставить слово? – спросила она.
– Здравствуй, например. А ещё – поздравляю тебя с приездом...
– А-а-а, – задумчиво произнесла Аннушка. – Спасибо тебе... А что ты будешь делать?
– Ещё не решил.
– А ты решай быстрее, – по-дружески посоветовала Аннушка. – А я пока тебе язык покажу, хочешь?
– Язык? – Я даже своим ушам не поверил. – А зачем мне язык твой нужен, скажи, пожалуйста?
– Просто так, чтобы ты посмотрел, – снисходительно объяснила Аннушка. – У нас в лагере столько солнца было, что даже языки у всех загорели.
– Ну, тогда совсем другое дело, – согласился я. – Тогда, конечно, больше всего на свете хочу увидеть твой загоревший язык.
Аннушка замолчала. Наверное, принялась выполнять мою просьбу. Потому что Аннушка – очень воспитанный ребёнок и прислушивается ко всем советам. Которые ей нравятся, конечно...

СБОРЫ

Рано утром я поехал в аэропорт и занял очередь за билетами.

– Ваши документы? – потребовала кассирша, когда я подошёл к окошку.
Я подал свой паспорт.

– И один детский, пожалуйста, – попросил я. – Со мной ещё одна девочка полетит.

Кассирша расспросила меня об Аннушке и, узнав, что она не моя дочка и вообще не родственница, в нерешительности задумалась. Но всё же выдала два билета, на которых были написаны наши фамилии. С этими билетами я и поехал к своим знакомым.

Аннушкина мама радостно поздоровалась со мной и, наскоро приготовив завтрак, убежала вниз, чтобы подготовить к поездке свою машину. Она её недавно купила и очень этим гордилась.

А я остался наедине с Аннушкой. Дома я привык к тишине и одиночеству. И поэтому чем дольше сидел за кухонным столом, тем неудобнее себя чувствовал, – очень уж быстро тараторила Аннушка. Ни на секунду не останавливалась. Она говорила о том, как её класс собирался в школьный лагерь и как возвращался оттуда. Она рассказала, кто из её одноклассников научился хорошо плавать, а кто не умеет до сих пор. Она перечислила, что у них было каждый день на завтрак, обед и на ужин. Под конец, подарив мне маленький красивый значок, предложила:

– Володя, давай сделаем знаешь что? Давай возьмём в деревню и мою подружку Олю! Она лучше всех в «классы» играет и по деревьям умеет неплохо лазить... Только я ещё быстрее лазаю. Возьмём, а?

Я представил себе, как они в два голоса трещать будут. И без остановок.

– Нет уж, – отвечаю. – Лучше я сам и в «классы» буду играть и по деревьям лазить.

Аннушка с сомнением оглядела меня:

– Куда тебе... Тебя никакое дерево не выдержит. Даже самый могучий баобаб. Она почему-то считает, что баобаб – самое толстое и крепкое дерево на земле. Хорошо, что хоть Аннушкина мама скоро возвратилась.

Мы аккуратно сложили в чемодан Аннушкины вещи, затем выбросили их, чтобы проверить, не забыли ли – его в спешке. Затем снова всё уложили в чемодан. И только после этого погрузились в машину и поехали во Внуково.

ОТ ЧЕГО ЗАВИСИТ НАСТРОЕНИЕ

Перед нами замелькали широкие, щедро политые московские улицы. Сначала мы проехали через сонные Сокольники и долго мчались вдоль тихой Яузской набережной. Потом свернули на Бульварное кольцо. И сразу же из-за крыш, словно радуясь нам, вынырнула рубиновая звезда Спасской башни. Мы невольно уменьшили скорость и ехали так, пока она, блеснув на прощанье малиновым лучом, снова не скрылась за высокими домами.

– Мы самые ранние птицы! – гордо сказала Аннушка.

Она часто залезала в кулёк с шоколадными конфетами, изредка угощая меня. И вправду было еще рано, и машины встречались не часто. Зато в скверах и в парках, мимо которых мы проезжали, уже собирались люди. Одни, в зеленых, синих или черных спортивных костюмах, неспешно семенили друг за дружкой. Другие прогуливали свих собак. Больших и маленьких. Фокстрьеры и сенбернары, овчарки и пудели. Дворняжки гуляли сами по себе. Аннушка придвинулась поближе к окну и надолго замолчала.

Я начала понемногу успокаиваться. Настроение у меня все улучшалось.

...Но как только мы выехали за город и свернули на дорогу, ведущую на Внуково, моего хорошего настроения как не бывало. Случайно взглянув на спидометр (это такой прибор, который показывает, с какой скоростью мы едем), я вздрогнул: стрелка показывала сто километров! Даже чуть больше.

– Знаешь, Ирина, – будто между прочим обратился я к Аннушкиной маме, – шестьдесят или семьдесят километров это еще ничего для человека, который только месяц назад научился водить машину, но чтобы сразу больше ста!..

– Ну что ты, – успокоила меня Ирина, – сто километров – это сейчас моя норма.

– А моя – сто пятьдесят, – скромно заметила Аннушка.

Я сердито покосился на нее, потому что терпеть не могу хвастунишек.

К аэропорту мы все же добрались без особых приключений, если не считать того, что на одном из крупных поворотов, когда мы втроем принялись распевать какую-то лихую песню, встречный водитель шарахнулся от нас в сторону, как заяц от волка...

ПОТОП

Реактивный самолёт в последний раз взвыл, развернулся и, поравнявшись с шеренгой других своих товарищей, устало замер. Первыми покинули салон лётчики, за ними неровной цепочкой потянулись пассажиры с чемоданами и портфелями в руках. Последними сошли мы с Аннушкой – она долго искала кулёк со Своими любимыми конфетами, который, наверное, забыла ещё в Москве, в маминой машине...

Не успели мы выйти из здания аэровокзала, как подошёл новенький голубой автобус и быстро отвёз нас на другой вокзал, на этот раз – речной. И сразу же

начался ливень. Такого потопа ни я, ни Аннушка в жизни своей ещё не видели. Над городом, словно спасаясь от гневного рокота громовых, раскатов, испуганно заматались жёлтые молнии, и с фиолетового неба хлынули на землю прозрачные дождевые струи.

– Ну и льёт! – сказал я, стряхивая крупные капли с плаща. – Как из решета.

– А мне кажется, что льёт, как из тысячи кранов, – не согласилась Аннушка, – которые почему-то забыли закрыть. – И, укладывая в чемоданчик свою накидку, добавила: – И хорошо сделали.

И вправду хорошо. После жаркого и сухого московского утра, после душного самолета на нас наконец повеяло прохладным, свежим воздухом.

Мы сидели в мягких креслах перед широким распахнутым окном и внимательно наблюдали за тем, как пешеходы, застигнутые врасплох, стараются выйти сухими из этого невиданного потопа. Некоторые даже сняли свою обувь и теперь мчались по пенистым лужам босиком. Самые недогадливые прижимались к стенам домов и от этого промокали ещё быстрее от воды, льющейся с крыши. А несколько вымокших до нитки парней и девушек уже не прятались от дождя, а, наоборот, выбирали лужи побольше и, счастливо улыбаясь, подставляли лица под тёплые струи дождя. И я им очень завидовал. А Аннушка – та просто умирала от зависти.

Больше всего досталось машинам, которые стояли на привокзальной площади. Они ведь никуда не могли спрятаться, и бурлящие потоки, сбегающие из нескольких улиц-речушек, залили их почти что до половины колес.

– Бедные, – пожалела их Аннушка.

– Почему же бедные? – возразил Я. – Вымоет их дождь, и заблестят они на солнце как новенькие.

Аннушка немного подумала.

– Тогда, может, и мы вымоемся? – предложила она. Ответить я не успел, потому что все вдруг засмеялись и начали показывать пальцами на толстого человека в белой рубашке. Прикрывая портфелем свою лысую голову, он выскочил из какого-то подъезда и побежал к одной из машин. Ему удалось завести мотор и даже развернуться против течения. Но больше ему сделать ничего не удалось. Коричневая машина сердито фыркала и рычала, но подняться вверх по улице так и не сумела. Вот какой был потоп!

Несколько человек выбежали под тёплый дождь и принялись подталкивать осерчавшую машину сзади. Мы с Аннушкой тоже хотели присоединиться к ним, уже начали снимать обувь и набрасывать плащи... Но в это время диктор объявил посадку на нашу «Ракету».

Плыть было не очень интересно. «Ракета» тряслась по частым волнам, словно телега по булыжной мостовой. По толстым стёклам иллюминаторов стекали ленивые капли дождя. За ними еле угадывались очертания встречных «Ракет» и длинных грузовых барж. А зелёные берега, как только мы отошли от причала, и вовсе скрылись за плотной дымящейся завесой тумана.

КАК ПИШУТСЯ СТИХИ

Аннушка смотрела-смотрела в иллюминатор и вдруг зевнула – скучно.

Я тоже не остался в долгу, зевнул ещё шире. Надо было чем-то срочно

заняться... Поспать, что ли? Да, пожалуй, ничего умнее не придумаешь... И я начал удобнее устраиваться в кресле.

– Давай сочинять стихи, – неожиданно предложила Аннушка.

– Какие ещё стихи? – недовольно проворчал я. – Разве не видишь, что делается на Днепре?

– Что ты, как раз в такую погоду они очень хорошо сочиняются, – объяснила мне Аннушка. И, ещё раз посмотрев в иллюминатор, добавила: – И потом, всё равно больше нечего делать.

– Давай как-нибудь потом сочиним, – сказал я и с печалью вспомнил о своей тихой и уютной комнате, в которой, лёжа на диване, можно спокойно поработать хоть до самого обеда, и никто тебе не помешает. – Давай как-нибудь потом, – повторил я.

– Но ты же мне обещал, – укоризненно заметила Аннушка.

– Обещал?

Ах да, я совершенно об этом забыл. Ещё в Москве пообещал, просто так... Ну, что же теперь поделаешь. обещание нужно выполнять.

– Хорошо, – безнадежно вздохнул я. – Только давай договоримся: ты придумываешь одну строку, а я – следующую.

Аннушка согласилась.

– И записывать ты тоже будешь, – сказал я и протянул ей блокнот с карандашом.

– Ладно, – ответила она. – Я согласна.

– Чур, тебе начинать...

Аннушка подумала-подумала, повертела в руках остро заточенный карандаш, потом пристально посмотрела в иллюминатор и произнесла первую строку: Как у наших у ворот...

Я тоже посмотрел в иллюминатор. Внимательно смотрел, долго, но никаких ворот за ним не увидел. Дождь лил всё так же, и ничего нельзя было рассмотреть. Как ни старайся. Так что же выходит – обманываешь, Аннушка, да? Ну ничего, это мы тоже умеем делать!

И я ответил:

Посадили огород...

Вот теперь, голубушка, и подумай, при чем здесь какой-то огород, когда даже берегов никак нельзя рассмотреть.

Но Аннушку иллюминатор уже не интересовал. Она присмотрелась к потолку, словно увидела там что-то интересное, и ответила мне так:

А за этим огородом...

И я на потолок посмотрел. Обыкновенный потолок, бледно-голубой, лампочки горят под ним, в углу гудят вентиляторы. Обычный потолок... Эх, придётся и дальше самому всё выдумывать!

И я принялся выдумывать.

В ответ на Аннушкино «огородом» можно было бы сразу сказать: «Ходят люди с бутербродом». Очень хорошо было бы, да вот только какая беда: не бывает таких больших бутербродов. Во всяком случае я ни разу не видел, чтобы несколько человек несли один-единственный бутерброд.

Но что же всё-таки находится за этим огородом? Лес, город или дорога? А может, и не дорога вовсе, а река? Не такая, конечно, как этот Днепр, но и не маленькая. И брод, наверное, через эту реку есть...

Ага, вот же она, строка:

Протекает речка с бродом!..

Что ты теперь скажешь на это, Аннушка?

– Очень даже хорошо, – одобрила Аннушка. – Я уже ожидала, что ты скажешь: «Ходят люди с бутербродом».

Я удивлённо уставился на неё – откуда ей это известно?

Но в ответ услышал:

А за быстрой той рекой...

Твоя очередь думать, Володя!

А что может быть интересного за этой неизвестной рекой? Снова огороды. Или зелёные луга. Днём коровы важно пасутся, мотыльки-однодневки порхают. А по ночам волки из лесу рысцой выбегают...

Так и сказал:

Волки бегают рысцой...

с уважением взглянула на меня Аннушка – о волках, наверное, и не подумала. Но сдаваться не собиралась. Только нос сильнее наморщила, слегка сощурила голубые глаза... И придумала всё-таки!

Волки бегают и воют...

Конечно, воют, что же им ещё остаётся? Хорошо волкам, они хоть знают, что делать, а вот что делать мне?

Я вышел из каюты и спрятался под тентом. Закурил сигарету, оглянулся вокруг. Ничего особенного – дождь, туман, вода расходится за кормой седыми усами. Подставил под ливень одну ладонь, затем вторую... И почему-то увиделось мне, как самый крупный из волчьей стаи, бросив без толку бегать и выть, уселся на зелёном бережку и принялся полоскать в прозрачной воде свои натруженные лапы...

Бегом возвращаюсь в каюту и гордо произношу:

В нашей речке ноги моют!..

Аннушка даже в ладоши захлопала от удовольствия:

– Как здорово ты придумал! Не лапы свои волчьи моют, а ноги, совсем как люди!

Я даже покраснел от радости – никто меня ещё так до сих пор не расхваливал! Между тем Аннушка принялась внимательно изучать двух толстых тётушек, которые без умолку разговаривали между собой. Потом сказала:

И идёт у них беседа.

Долго идёт беседа у этих тётушек, я уже не раз посматривал в их сторону.

Хорошо им – узелки лежат на коленях, а из узелков выглядывают вкусные пирожки с мясом, свежесолёные огурцы, краснощёкие большие помидоры... А я вот с утра ничего ещё не ел, если не считать того, что Аннушке купил два мороженных... Так сколько же я, выходит, не ел? От рассвета и до обеда; оказывается, от утра и до обеда. Вот здорово!

Не потому здорово, что не ел, а потому, что строку придумал, вот такую:

От утра и до обеда!..

– А ты неплохо играешь в стихи, – ещё раз похвалила меня Аннушка. – Намного лучше, чем многие мальчишки и девчонки из нашего второ... нет, уже из нашего третьего класса!

Если бы вы знали, как мне были приятны эти её слова! Я даже хотел попросить Аннушку, чтобы она их повторила, да застеснялся... Нет, что вы ни говорите, а ребяташки тоже очень хороший народ. Особенно некоторые девочки...

НАТАШИНО «СПАСИБО»

От автобусной остановки дорога, заросшая спорышом, повела нас к уютному тенистому парку. Потом, вынырнув возле старого огромного пруда, в котором время от времени плескалась рыба, повернула влево, к садам и плетням, за которыми прятались чистые беленькие домики. Где-то среди них стоял и дом моей мамы.

Аннушка шла рядом со мной и, чтоб было веселее, наизусть читала стихотворение:

– Как у наших у ворот, раз-два, собрался честной народ, три-четыре; как у наших у ворот, раз-два...

Я старался шагать в такт Аннушкиным словам. Получалось очень даже здорово.

Но никакой народ не собрался у наших ворот. Одни только ласточки кружились над головой. Мы бесшумно открыли старую калитку, которую я когда-то, ещё школьником, приладил к плетню, – и сразу же нырнули в прохладные, густые заросли сирени и жасмина. Тропинка, на которой мы остановились, была посыпана белым речным песком. На нём греблись толстые, разомлевшие от жары куры. Увидев незнакомцев, недовольно закудахтали и начали нехотя уступать дорогу. А самая большая из них, жёлтая и голенастая, так увлеклась поисками каких-то насекомых, что и вовсе не обратила на нас никакого внимания. Пришлось слегка отодвинуть её ногой – она только возмущённо завохтала.

– Куры у нас совсем непуганные, – объяснил я Аннушке. – Моя мама кормит их из рук. И мы тоже будем.

Голенастая курица, будто и не её толкали, снова вышла на дорожку и, озабоченно поквохтывая, опять занял ась своим чрезвычайно важным куриным делом.

В глубине двора, под огромным орехом, стояла летняя кухонька, сложенная из красных кирпичей. На ней теснились чугунки, горшочки, сковородки, в которых что-то булькало, шипело, трещало. А в воздухе пахло так вкусно, что мы проглотили слюнки и прибавили шагу...

Возле кухни хозяйничала моя мама. Она очень удивилась, увидев меня.

Сколько я ни приезжаю, она всё время удивляется. Потому, что у меня нет привычки сообщать ей заранее о своём приезде.

– Вот молодец, что приехал, не забыл меня, старую, – сказала она, целуя меня. И тут же огорчённо всплеснула руками: – Только обед ещё не готов, придётся немного обождать... А это что за девочка.

Аннушка скромно вышла из-за моей спины, вежливо поклонилась и сказала:

– Здравствуйте... Меня Володя с собой привёз. Мама вопросительно взглянула на меня.

– Это Аннушка, дочь моих друзей, – объяснил я ей. – Они в командировку срочно уехали, а она одна осталась.

– Правильно сделал, – похвалила меня мама. – Заходи, Аннушка, в комнату. Пока я доварю обед, вы с Наташей книжки почитаете...

Моя мама, как все пожилые люди, думает, что у детишек только и дел, что книжки читать... А Наташа – моя четырёхлетняя племянница. Она, оказывается тоже приехала. И тоже из Москвы.

Мы с Аннушкой умылись с дороги, переоделись и хотели было отправиться в Наташину комнату. А она уже на пороге дежурит, ждёт не дождётся нас.

Только стесняется подойти первой. Она ведь не знакома с Аннушкой да и со мной давно виделась. Стоит Наташа у порога и звонком от моего старого велосипеда позванивает. Я его сразу признал, по вмятине на крышке. Она появилась, когда однажды вместе с велосипедом свалился в небольшой овраг.

– Здравствуй, Наташенька! – говорю я ей. – Ой, какая у тебя красивая игрушка! Кто тебе её подарил?

– Это звоночек, – отвечает Наташа. – От моего велосипеда.

– От твоего велосипеда? – удивился я. – Почему же от твоего, скажи, пожалуйста?

Наташа немного подумала и ответила мне:

– А потому, что я из Москвы приехала.

Да-а-а...

Возвратился я в комнату, начал выкладывать из чемоданов свои вещи и подарки для мамы. Вытащил коробку конфет и протягиваю Наташе:

– Возьми, Наташенька... Это тебе подарок. От нас с Аннушкой.

Взяла она подарок и молчит.

– Что нужно сказать дяде Володе? – спрашивает бабушка.

– Мало, – отвечает внучка и прижимает подарок крепче к груди.

МАМИН САД

Кот Васька – мой давний знакомый. Когда-то я его совсем маленьким принёс домой. Он тоже не забыл меня, громко мурлыкает, о ноги трётся, хвост держит трубой. И труба эта всё время подёргивается от радости. Мы погладили его по очереди, и все вместе – я, Аннушка, Наташа и кот Васька – отправились осматривать сад.

Аннушка сразу же принялась подсчитывать деревья, и по ее подсчетам вышло, что в саду растут две черешни, пять или семь вишен, три груши, четыре абрикоса, три яблони и две сливы: одна сахарная, с жёлтыми плодами, а другая обыкновенная, с фиолетовыми. Да ещё было два ореха. Один склонился над крыльцом, второй возвышался чуть подальше, над летней кухней. Мама их посадила, чтобы комары боялись. Потому что они, оказывается, совсем не могут выносить запаха орехового дерева. Об этом было написано в одной умной и толстой книге, которую мама всегда держала при себе. Но, насколько я помню, к нам всё равно прилетали комары, очевидно, они не были знакомы с этой книгой. Приходилось делать ореховый веник и напоминать комарам о том,

что нет ничего неприятнее и вреднее ореховых листьев... Вот и весь сад, если не считать смородины, крыжовника да клубники.

А в самом конце маминого огорода, в небольшой круглой низинке, буйно разрасталась малина. Ростом она была чуть не вдвое выше Аннушки. И с каждого стебля гроздьями свисали сочные темно-красные ягоды.

У Аннушки разгорелись глаза.

– Это ваша малина, Володя?

– Ну конечно же, наша, – ответил я.

– И её можно есть сколько угодно, да?

– А куда же её девать? – сказал Я. – Придётся есть.

– Можно сразу же и начинать?

Но я с сомнением посмотрел на её руки.

– Нет уж, сначала нужно вымыть хорошенько руки, да мыла не жалеть. И лицо тоже.

Пока мы знакомились с маминым садом, Аннушка с Наташей ухитрились выковырять пальцами по морковинке, закусить огурцом да помидором и раз пять по очереди поцеловать в нос мурлыкающего кота Ваську.

Но воды в доме не оказалось. Я взял два самых больших ведра, и мы втроём отправились к колодцу. Только кот Васька на этот раз остался возле кухни и начал мурлыкать уже для мамы – проголодался, наверное, от радости.

ЧЕМ ВЫТАСКИВАЮТ ВЕДРА

Далеко внизу Аннушка увидела своё отражение. Совсем крошечное. С кулачок.

– Ой, какой глубокий! – воскликнула она, испуганно отпрянув от колодца, и сразу же оттуда с шумом выпорхнули два воробья. – Они там пили воду? – Аннушка проводила их долгим взглядом.

– Они там живут, – объяснил я. – Лучшего места не придумаешь: вода, прохлада и никакие кошки не достанут.

– Хи-и-трые! – восторженно протянула Аннушка.

Наташа, ожидая нас, уселась на траву в сторонке: бабушка строго-настрого запретила ей подходить к колодцу. Даже вместе со мной»

– По глубине этот колодец будет как ваш пятиэтажный дом, – сказал я Аннушке, привязывая верёвку к дужке ведра. – А может, и ещё больше.

– Ничего, – успокоила она меня и с опаской оперлась на деревянный сруб.

Эмалированное ведро, глухо постукивая о стенки колодца, скользнуло вниз.

Наконец раздался хлопок, и наши изображения, вздрогнув, исчезли:

– Как долго оно опускалось, – сказала Аннушка, на всякий случай вцепившись в мой рукав. – Я даже устала ждать.

Зачерпнув воду, начал накручивать на ворот верёвку. Но вдруг почувствовал, что она стала совсем лёгкой. Потрогал – свободно болтается. Вот незадача!

– Что ты там рассматриваешь? – спрашивает Аннушка, но низко наклониться опасается. – Что-то интересное? Воробьиное гнездо увидел, да?

– Да нет, – сказал я. – Ведро отвязалось и ушло на дно. Придётся теперь нам с тобой его вытаскивать.

– Вытаскивать?! – Аннушка широко раскрыла глаза. – Но как мы его вытащим из такой глубины?

– Вот над этим давай подумаем вместе, – предложил я. – Может, я тебя привяжу к верёвке и опущу вниз? Ты же лёгкая...

Глаза у Аннушки стали совсем круглыми. Как блюдца. – Я... Я бы с удовольствием опустил ась... Но ведь ты же знаешь, Володя, что мама мне строго-настрого запретила лазать в холодную воду. А маму нужно слушаться! Что-то я, правда, не слышал подобного приказания. Но на всякий случай промолчал.

– Ну что же, – тяжело вздохнул я. – Раз ты не хочешь, придётся кошкой доставать.

У Аннушки даже дыхание перехватило.

– Ко-о-шкой?!

– Ну да... Сбегай, пожалуйста, к бабушке на кухню. Принеси кошку.

– Но ведь она сразу же утонет!

– Ну и что? Зато ведро вытащим.

Но не двигается Аннушка, внимательно смотрит мне в глаза – может, шучу?

– Ну, чего же ты стоишь?

Понурившись, она медленно отошла от колодца. За ней потопала любопытная Наташа.

Что-то долго не было их. Наконец возвращается Аннушка.

Идёт горюет, кота Ваську целует в лобик. Прощается, значит.

– Что ты мне принесла? – спрашиваю я;

– Васеньку, – со слезами на глазах отвечает она. – Бедного, несчастного Васеньку...

– Да зачем он мне нужен? Я же тебя просил принести кошку, а не какого-то Ваську!

Аннушка, оказывается, и не догадывалась, что кошкой называется такой якорёк, которым вытаскивают затонувшие вёдра.

– Чего же ты раньше об этом не сказал? – обиженно спрашивает Аннушка. Но голос у неё радостный и веселый. – Вон, оказывается, какой ты обманщик!

– Поговори мне ещё! – страшным голосом прорычал я: Совсем как медведь. – Мигом в угол поставлю!

– А что мы там будем делать? – заинтересованно спросила подросевшая Наташа.

– Хм-м...

Неужели никто ни разу не ставил их в угол?

ОБЕД

Мы помыли руки и быстренько уселись за стол. На обед у нас было:

борщ с фасолью,
картошка с мясом,
омлет.

А кроме того:

ведро огурцов да ведро помидоров. Мама их только что собрала с грядки. Из них можно салат•сделать. Можно и так есть.

Ох и тяжело нам придётся!..

Но тут мама принесла ещё:

большую глиняную миску вареников, с творогом; ещё большую миску вареников, с вишнями; рядом поставила крынку с холодным молоком и три чашки со свежим вареньем.

Я с ужасом смотрел на всё это.

– Неужели мы всё, что здесь стоит, осилим? – спрашиваю безнадежным голосом у Аннушки.

– Конечно, осилим, – не задумываясь, отвечает она. – Не сможешь – я помогу. Спасибо тебе, дорогой товарищ...

КТО ЭТО ДЕРЕТСЯ

Старались мы, старались, но всего так и не осилили. Я никак не мог одолеть картошку с мясом. Аннушка безуспешно сражалась с четвертым вареником. С вишнями.

А здесь ещё и Наташа:

– А я уронила ваш подарок. Под стол.

Но сама что-то не лезет под стол за своим подарком. На меня смотрит. Ладно уж, полезу я.

Стол почти до самого пола накрыт клеёнкой. Под ним темно, словно в дождливую ночь. С непривычки не могу ничего увидеть. Обшариваю пол руками, сюда-туда верчу головой – куда же мог подеваться этот подарок. Вдруг что-то зашуршало...

Да как стукнет меня по руке!

И ещё раз! Будто укол сделали.

А может, под стол гадюка забралась?

Стремглав вскакиваю на ноги и налетаю на самый острый краешек стола:

– Ай!

Сижу на полу, хлопаю глазами. И ничего не могу понять.

– Там наседка сидит, – объяснила всем Наташа. –

Очень кусачая наседка, меня тоже клюнула.

Так вот почему она не спешила лезть под стол!

– Какая. разбойница! – встревожено воскликнула Аннушка и уселась с ногами на стул.

А я принялся ругать себя. Втихомолку, конечно. Это же я наседку за гадюку принял!

Снова полез под стол, быстро разыскал этот несчастный подарок и Наташе отдал.

– Держи, – говорю ей. – Да не роняй больше, а то в следующий раз сама полезешь.

На стул уселся, макушку ощупываю: больно...

ОТДЫХ

Мама намочила в холодной воде полотенце и приложила его к моей макушке. Обед закончился.

Аннушка собрала со стола грязную посуду и вынесла её во двор, к летней кухне. Сняла с плиты чугунок с тёплой водой и вместе с мамой принялась за мытьё. И так ловко у них всё получалось, что у меня даже голова перестала

болеть.

Наташа подмела веничком порожек и ушла к вишням.

– Клей буду искать, – сказала она. – Он самый вкусный! А мне захотелось поработать.

Выпросил я у мамы раскладушку и тоже в сад ушёл.

Установил раскладушку в тени, под самой густой яблоней, улёгся поудобней.

Хорошо!

Посмотрел налево – малинник стоит густой стеной, даже не шелохнётся.

Словно дожидается, пока я подойду. Да что-то неохота сейчас... Какая-то птичка перескакивает со стебелька на стебелёк, время от времени посматривает на меня чёрными озорными глазами. А посмотрев, начинает распевать свою любимую песню:

Чиу-чиу-чиу-фьють,

Чиу-чиу, фьють-фьють-фьють...

Попробовал я перевести эту песенку на человеческий язык, и у меня получилось вот что:

Та-ра, тара, тарарам, Та-ра-та-ра, трам-тарам...

Молодец, птичка, красиво поёт. Содержательно. Посмотрел направо – Наташа, словно медвежонок, переваливается с ветки на ветку. Клей выискивает. Сама ест и Аннушку угощает... Тоже молодцы, не мешают мне работать.

А сверху, сквозь зелёную листву, яблоки на меня поглядывают. Большие такие и жёлтые, как воск. И сквозь них солнце просвечивает. Наверное, эти яблоки уже спелые и очень вкусные. Потому что в зелёных солнце не прячется.

Нужно будет проверить и, если вправду они уже спелые, то сорвать несколько самых крупных и мягких – для Наташи, для Аннушки, для мамы... И конечно же, для себя. Обязательно нужно проверить, вот только сначала поработаю немного.

Но меня тут же сморил сон. Он неслышно подкрался ко мне маленькой розовой птичкой, положил на зажмуренные глаза свои тёплые мохнатые лапки. И представилось мне, что я снова стал маленьким и сижу на вишне. Осторожно собираю клей и отправляю его в рот. Клей вязкий вкусный и прозрачный, словно свежий мёд... Собрал я с нижних веток весь клей и ещё хочется.

Взглянул вверх, а он там янтарём переливается, так и манит к себе. Влез я повыше, устроился поудобнее – спиной к толстой ветке, и руку протянул за клеем. А она взяла да и прилипла к нему, ни за что не оторвать! Дёргал я, дёргал, как вдруг что-то зашелестело. Ветки раздвинулись, и между ними показалась хищная наседкина голова. И прицеливается в мои глаза своим острым, как у орла, клювом. Хочу прикрыть глаза руками – и не могу: руки приклеены... Хочу закричать, позвать маму – и не удаётся: весь рот клеем забит... А наседкин клюв придвигается всё ближе и ближе. Вот-вот ударит... И ударила!

И хорошо сделала, потому что я сразу же проснулся. Сижу, заспанные глаза протираю. Посмотрел налево – малинник густой стеной колыхается. Стебелёк к стебельку наклоняется, шепчутся о чём-то. Птичка уже не поёт, улетела, наверное.

Сверху яблоки свисают, ждут, пока я до них доберусь. А в них солнце переливается и поигрывает веселыми желтыми лучами.

А рядом с моей раскладушкой стоят Наташа и Аннушка смущённо переминаются с ноги на ногу.

– В чём дело? – спрашиваю их. – Что тут стряслось?

– Я только мух отгоняла, – начала оправдываться, Наташа, пряча за спиной хлопушку. – У тебя муха на лбу сидел а.

– Она нечаянно, – вступилась за Наташу Аннушка. – Слишком уж приставучая муха была, никак не хотела улетать.

Ну что за народ пошёл! Разве дадут отдохнуть уставшему человеку!..

Я сердито посмотрел на них, молча сложил свою раскладушку и отправился в комнату.

ЕЖИКИ

Вечером Наташа хотела увязаться за нами, но бабушка не разрешила.

– Спать пора, десятый час, – сказала она и принялась взбивать постель. – И не хнычь, ничто тебе не поможет.

Мама моя хотя и добрая, но слово у неё твёрдое. Это я знаю хорошо, когда-то и сам был ребёнком.

И Наташа, наверное, тоже знала об этом, потому что хоть и похныкала, но всё же быстро забралась в свою кроватку.

А мы с Аннушкой отправились изучать таинственные места. Есть у нас такие. Сразу же за соседней улицей и начинаются. Только нужно обойти сначала школьную мастерскую, в которой отдыхало несколько разобранных тракторов и автомашин. Потом свернуть на узкую дорожку. Никаких зданий поблизости нет, и вечерами здесь никто не ходит. С двух сторон. раскинулся школьный сад. Между деревьями проглядывало несколько высоких могил – когда-то давно здесь казаки хоронили своих убитых товарищ.

Интересно Аннушке в этом саду и немного жутко. Начало смеркаться, и ей время от времени казалось, что в тёмных зарослях смородины и крыжовника кто-то прячется, наблюдая за ней. Какой-нибудь татарин с саблей наголо...

А мне здесь совсем не страшно, всё мне здесь знакомо, каждое деревцо я помню... Вот клёны – выстроились вдоль дороги, сад сторожат. Между ними с писком носятся летучие мыши, и Аннушка робко вздрагивает, когда какая-нибудь из них подлетает совсем близко – вот-вот вцепится в лицо. И глаз с них не сводит: она никогда раньше не видела столько летучих мышей сразу.

Неподалёку от клёнов растёт моя любимая груша. Увидев нас, ласково закачала ветками, зашелестела листьями.

– Здравствуй, – сказал я ей и погладил толстую шершавую кору.

Аннушка даже подпрыгнула от неожиданности.

– С кем это ты поздоровался? – испуганно озираясь, спросила она шёпотом. Наверное, в этой тишине моё «здравствуй» прозвучало для неё будто гром.

– Со своими старыми знакомыми, – ответил я. – С грушей, с яблонями, абрикосами... Мы ведь, Аннушка, высаживали здесь самые первые деревья... А с этой грушей, с которой я только что поздоровался, у меня приключилась самая весёлая история.

– Ты мне расскажешь об этом, правда? – осмелевшим голосом попросила Аннушка. – Я никогда не слышала весёлых историй с грушами.

– Когда-нибудь потом, – согласился я. – А сейчас давай просто погуляем... Мы уже возвращались домой, когда Аннушка, схватив меня за рукав, прошептала:

– Ой, что это?

По дорожке, навстречу нам, катил ось три серых колобка. Один, побольше, – впереди, а два, совсем крошечных, – чуть сзади.

– Ежики! – ахнула Аннушка.

Ежиха, почуяв нас, свернулась в комок. И своим детишкам велела сделать то же самое.

Один сынок послушался, а второй – не совсем: будто бы и свернулся, а из-под колючего комочка всё равно поблёскивают любопытные глазёнки.

– Можно, я их поглажу? – спросила Аннушка. А сама не то что гладить – целовать их готова.

– Только осторожней, а то уколешься, – разрешил я.

Погладила Аннушка.

– И совсем не колючие!.. Даже наоборот.

Не поверил я, сам дотронулся. И правда, иголки у ёжиков хоть и тугие, но вовсе не колючие. Совсем ещё малыши.

Самому маленькому надоело, видно, нас опасаться – распрямился он и носиком пошмыгивает – изучает наши руки. Осторожная мама-ежиха чмыхает что-то ему на своём ежином языке, да не слушается сынок. Ему куда интереснее познакомиться с нами.

– Какой хорошенький! – сказала Аннушка, – Можно, мы его возьмём с собой?

– Нет, нельзя, он же совсем ещё маленький, – запретил я. – Вот если бы тебя насовсем забрать от мамы, как бы ты себя чувствовала?

– Очень плохо, – сразу загрустила Аннушка. – Совсем-совсем плохо.

Пошли мы своей дорогой дальше.

– Смотри, смотри! – горячо прошептала Аннушка. Она шла задом наперёд. – Смотри, что он делает!

Я оглянулся и тоже застыл.

Мама-ежиха и один из её детей осторожно высунули носы и начали принюхиваться, не миновала ли опасность. А наш знакомый малыш, самый маленький и потешный, за нами припустил. Наверное, очень уж мы понравились ему.

Совсем жалобно посмотрела на меня Аннушка.

– Никак нельзя, – говорю ей. – Я бы сам его с удовольствием взял, да маленький он ещё, погибнет без маминого молочка.

Отнесли мы непослушного несмышлёныша к маме-ежихе.

Положили рядом с ней, а сами быстро разбежались в разные стороны. Чтобы не знал он, за кем бежать.

Спрятались за кустами и осторожно, чтобы он нас не заметил, выглядываем, оттуда.

Пробежался ежонок туда-сюда, покрутил носом во все стороны: куда, мол,

исчезли эти непонятные существа? Потом огорчённо вздохнул и посеменил, время от времени оглядываясь, за своей мамашей и братцем.

КУВШИН МОЛОКА

В деревне нужно просыпаться очень рано. Тем более, если твоё окно выходит на шумную улицу.

Хорошо Аннушке – её окно выходило всего лишь на дорожку, ведущую к калитке. Да к тому же под окном были такие густые заросли сирени, что, как ни старайся, никакого шума не услышишь. И солнце в глаза не бьёт.

– Это же очень плохо, что в комнату ребёнка не заглядывает солнце, – сказал я маме, когда она распределяла, где нам жить. – Особенно летом.

– А зачем ребёнку сидеть летом в комнате? – возразила она. – Для этого есть двор, лес, речка. А в комнате летом должны быть прохлада и полумрак.

«Конечно, – рассуждал я, делая зарядку. – Особенно, если градусов тридцать жары... А зайдёшь в Аннушкину комнату – словно в прохладную воду нырнул... Нет права все же моя мама».

Я вышел во двор и даже глаза прикрыл от яркого блеска. Солнце, казалось, было повсюду: в окнах, в стеклянных банках и бутылках, развешанных на колышках; оно уютно сидело в каждой капле росы, свисало с прохладных листьев...

Я подошёл к небольшой вишенке и встряхнул её.

У-ух! Словно меня укололи тысяча маленьких иголок; А вездесущее солнце сразу же уселось на моих ресницах... Нет уж, довольно всяким там лежебокам ворочаться в душных перинах, за ушко да на солнышко их! Пускай сами посмотрят, какой сегодня изумительный день!

Но не успел я переступить порог веранды, как услышал испуганный голос:

– Володя!!!

Одним прыжком я перемахнул через коридорчик, ведущий с веранды, рывком распахнул дверь:

– Что случилось?

Аннушка, почти одетая, втиснулась в дальний угол кровати и показывала пальцем на окно:

– Там... хулиганы, с кирпичами!

Но никаких хулиганов я не увидел. Разве что слишком уж подозрительно колыхалась занавеска. Я хотел выскочить во двор, чтобы хорошенько проучить хулиганов, но Аннушка попросила:

– Мне страшно одной, обожди, я оденусь...

И вправду под окном кто-то был. Вот, возле самой стены, виднеются свежие следы, рядом – небольшая лужица. Пригнувшись, я проскользнул между сиреневыми кустами на посыпанную белым песком дорожку и чуть не сбил с ног незнакомого мальчишку:

– Это ты здесь с кирпичами бегаешь? – угрожающе спросил я.

– Он, он! – ответила Аннушка, вынырнув следом за мной.

– Я? С кирпичами? – изумился мальчишка.

Он мне сразу чем-то понравился. На его месте я бы давно уже был в другом конце деревни. А он – вот, рядом стоит. И убегать не намерен.

– Бабушка Настя договорилась с моей мамой, что я буду носить молоко, пока вы будете здесь. – И он протянул мне простой глиняный кувшин с молоком. – Я хотел его поставить на самое близкое окно... Я показал кувшин Аннушке.

– А я подумала, что это кирпич, – начала оправдываться Аннушка. – Они же совсем похожи по цвету!

Ей было очень неловко.

Я машинально сравнил отпечатки следов с босоножками мальчишки. Размеры сходятся, это ясно всякому. Да, но при чём здесь лужица? Я представил себе, что должен был почувствовать этот мальчишка, когда услышал Аннушкин крик. Да ещё в то время, когда он, ничего не подозревая, ставил полный кувшин молока на подоконник.

– Здорово же тебя Аннушка напугала, ох и здорово!

– У меня даже рука вздрогнула, когда она закричала, – признался мальчик, кивнув на Аннушку. – А молоко взяло да и выплеснулось...

– Крепкие же у тебя нервы, – позавидовал я ему. – На твоём месте я бы и кувшин уронил. С перепугу.

– Ну-у... – недоверчиво протянул польщённый мальчишка. – Вы вон какой большой.

– А разве большие не пугаются? – спросил я и повернулся к Аннушке: – Скажи, пожалуйста, кто из нас должен извиняться за всё, что здесь случилось? Я или ты?

Аннушка подошла к мальчишке и, приподняв кончиками пальцев уголки сарафана – точь-в-точь как стыдливая дама, которая обращается к благородному рыцарю, – лукаво произнесла:

– Простите меня, пожалуйста...

Я даже отодвинулся подальше от мальчишки – как бы не обжечься о его внезапно вспыхнувшие щеки.

Мальчишку звали Колей.

НУЖНО ДУМАТЬ ПО-ВЗРОСЛОМУ

В том, что Коля будет космонавтом, можно не сомневаться. Это он точно решил... Ну, на худой случай – моряком.

– А почему ты не хочешь быть хоккеистом? – спросил я, разглядывая его комнату.

Замаялся Коля, промолчал. Наверное, он об этом тоже не раз думал.

Замечательная у Коли комната! Светлая, просторная.

Когда-то давно здесь было помещение, в котором его дедушка хранил борону, плуг и другие устаревшие сейчас вещи. Недавно Коля вместе с отцом убрали отсюда старый хлам, прорубили в стене большое окно, поставили столярный станок для работы и топчан для отдыха. И вот уже второе лето Коля здесь живёт. Только поздней осенью переходит он в дом.

Аннушке здесь тоже очень понравилось. Посидела она на топчане, покрутила тиски, перепилила лобзиком тонкую дощечку.

– А у тебя есть чем выжигать по дереву? – спросила она.

– Конечно, есть. – Коля открыл ящик стола и вытащил оттуда большую коробку.

– Папа подарил на день рождения.

Посмотрела Аннушка коробку, ещё раз прошлась по комнате.

– А интересные книги у тебя есть?

Много интересных книг оказалось у Коли: «Тимур и его команда», «Винни-Пух», «Приключения доисторического мальчика»... Были книги и не совсем для чтения, больше для работы, где написано, как выпиливать или выжигать разные фигуры и рисунки. А на подоконнике лежала толстая книга, в которой говорилось, когда что нужно сеять, когда и чем убирать, как бороться с сорняками и вредными насекомыми. Эту книгу Коля взял у своего отца – агронома.

Перевернула Аннушка несколько страниц, просмотрела рисунки. Взрослая книга. Толстая. И такая, наверное, умная, что о ней и говорить надо только умными словами...

– Да, много в ней полезного и поучительного, – протянула она. – Я уверена, что каждый образованный человек обязан её прочесть.

И Коля тоже по-умному заговорил:

– Для общего развития вряд ли найдёшь книгу лучше. – И добавил, сам удивляясь своим словам: – Она вносит существенный вклад в наш кругозор.

– Да, дети должны всегда брать пример со взрослых, – поучительно произнесла Аннушка. – Нужно значительно увеличивать объём своих знаний.

Я слушал и не верил своим ушам. Неужели они всерьёз так говорят? И если да, то у кого они научились?

Коля согласно кивнул головой и сказал:

– Очень существенное замечание... Вот у нас в классе почти стопроцентная успеваемость.

– И у нас тоже стопроцентная, – сказала Аннушка. – Абсолютно по всем показателям, конечно.

– Мы решили ознаменовать этот год только положительными успехами, – не сдавался Коля.

– А как у вас с проблемой свободного времени? – спросила Аннушка.

И Коля не выдержал.

– Плохо, – сказал он, но тут же поправился: – То есть с этой проблемой у нас всё в порядке, но мы не знаем, что нам делать.

И он признался, что недавно их классный руководитель Вера Николаевна предложила им самим придумать какое-нибудь полезное и увлекательное занятие. И вот уже целую неделю третий «А» только и думает о нём.

– Собирайте макулатуру или металлолом, – предложила Аннушка. – Заведите с кем-нибудь переписку, – добавил я. – Да нет, всё это уже есть, – ответил Коля.

– Тогда организуйте кружок «Умелые руки», – сказала Аннушка.

– И спортивные соревнования, – посоветовал я.

– Это уже предлагали, – отвечал Коля. – Но все это делают. И долгоносиков уничтожают, и картошку окучивают. Мы вот грибы решили собирать, но они плохо уродились в этом году.

Наскучили мне эти серьезные разговоры. Может, пошутить?

– Ну зачем так долго искать какое-то занятие? – сказал я. – Создайте кружок по изучению собственных велосипедов или раз в неделю организуйте культпоход

по чужим садам...

В комнате раздался хохот. Не смеялись только Аннушка с Колей.

– Здесь не до шуток, – укоризненно сказала Аннушка. – Здесь очень серьёзно нужно подумать, по-взрослому.

А мне и шутить уже расхотелось.

– Ну и думайте себе на здоровье... А я, пожалуй, пойду поработаю. Если что, найдёте меня под яблоней. Или в малине...

ЧТО ТАКОЕ «БАМ»

– Как ты думаешь, прилетела мама на БАМ или еще нет?

Аннушка участливо смотрела на Наташу, которая только что перепутала пчелу с комаром.

И сейчас моя мама прикладывала пятак к её щеке. Вокруг было тихо. От Наташиного крика всё живое разбежалось кто куда.

Высоко над нами прогудел самолёт.

Аннушка перевела взгляд на небо.

– Очень далеко летит, – сказала она, – наверное, уже над БАМом.

– Нет, БАМ гораздо дальше, – ответил Я, – в сто раз дальше.

– Ого, как далеко! – удивилась Аннушка и, подумав, добавила: – Володя, а почему это БАМ называется БАМом?

– Разве ты не знаешь?

– Нет, я знаю, что это стройка такая, – ответила Аннушка, – только забыла, почему она называется именно БАМом.

И я принялся всё объяснять Аннушке.

А если ещё кто-то не знает или забыл об этом, пусть послушает тоже.

БАМ – это значит Байкало-Амурская магистраль. Вам ещё непонятно? Тогда сложите первые три буквы, и вы получите: БАМ. Сейчас это самая крупная стройка в нашей стране, там очень важную железную дорогу проводят. Такую важную, что о ней можно три таких книги написать. Через тайгу и озёра, через горы и реки – на тысячи и тысячи километров тянется она. Все о ней знают, но добраться туда может не всякий. Она расположена так далеко, что Аннушка даже сказала:

– До неё не дойти и не доехать... Её только на карте можно разыскать.

И отправились мы в мою бывшую школу, чтобы разыскать карту и узнать точно, где же он, этот БАМ.

А в школе как раз каникулы.

Но всё равно на школьном дворе собралось очень много детей. Больше всего было их на пришкольном участке, и наш новый знакомый, Коля, тоже пришёл. Одни пропалывают грядки, другие – сорняки выносят на дорожку. Некоторые, поработав, отдыхают – гоняют мяч на спортивной площадке. Весело им!

Но когда мы появились, все бросили свои занятия и пошли следом за нами.

Интересно ведь узнать, кто это к ним в школу заглянул. Может, новенькие?

Ребята показали нам, где находится кабинет географии. Только я и без их помощи разыскал бы его – школа-то ведь мне знакомая!

Зайдя в кабинет, мы сразу же подошли к карте. Карта большая, во всю стену. И на ней можно найти самые маленькие сёла и самые низкие горы. А лучше всего

видно Москву – посреди карты большая красная звезда и от неё, словно лучи, во все стороны железные дороги.

Взял я указку и показываю Аннушке и всем, кто за нами следом вошел:

– Вот Москва... А это озеро Байкал, самое глубокое в мире озеро. Вот это река Амур, пожалуй, побольше нашего Днепра будет., А вот здесь строится БАМ, Байкало-Амурская магистраль.

На всякий случай Аннушка им объяснила:

– Это самая нужная стройка в стране. В самой холодной тайге, где лёд и летом не тает. Где горы непроходимые. Среди медведей и злых тигров. Туда пригласили самых смелых и сильных людей... И моя мама тоже туда поехала, вот так!

И она, высоко подняв голову, вышла из кабинета географии. Все с уважением уступали ей дорогу. Ведь не у каждого мама уезжает на самую смелую стройку!
МАМА С САБЛ ЕЙ

Как только мы возвратились из школы, Аннушка вытащила из своего чемодана набор цветных карандашей, попросила у меня большой лист бумаги и принялась рисовать картину. В верхнем углу она нарисовала солнце с длинными жёлтыми лучами. Под солнцем плыли тяжёлые чёрные тучи. А из земли поднимались остроконечные горы, покрытые густыми кустарниками и могучими деревьями. Под деревьями прогуливались страшные медведи, ужасно злые тигры, ползали ненасытные крокодилы... Между гор извивалась синяя лента железной дороги, и по ней, выпуская клубы коричневого дыма, весело бежал небольшой паровозик с длинной цепочкой голубых вагонов. На крыше переднего вагона, свесив ноги прямо к зубастой крокодильей морде, сидел бесстрашный человек и гордо смотрел в подозрную трубу. На боку у него висела длинная сабля, из-за спины выглядывало ружье.

– Кто это? – спросил я у Аннушки.

– Это моя мама, – ответила она, продолжая рисовать. – Разве непохожа?

– Похожа, – сказал я. – И мама, и особенно крокодилы. Это же надо – сколько страшных крокодилов на БАМе!

– Ты тоже это заметил?

Аннушка с благодарностью посмотрела на меня.

– Как ты думаешь, Володя, подойдут маме усы? – спросила она через минуту.

– Вряд ли, – подумав, ответил я. – Тогда она больше на папу будет похожа... А зачем маме усы?

– Чтобы звери больше боялись.

– Тогда, конечно, рисуй...

Нарисованную картину Аннушка приколотла над своей кроватью и смотрела на неё весь вечер.

СВЕЖИЕ НОВОСТИ

У Коли очень интересная походка. Когда он идёт рядом с Аннушкой или другими ребятами, ничего не заметно. Но когда он остаётся один, кажется, будто не идёт Коля, а подпрыгивает. Как космонавты на Луне. Или воробьи. За эту походку я и прозвал его воробышком.

Между прочим, он, как и приличествует всем воробьям, знает обо всём, что

делается на свете. А уж о том, что делается в нашей деревне, лучше Коли не знает никто. Иногда я подозреваю, что он знает не только о том, что случилось, но и о том, что ещё только должно случиться.

Вот и сейчас, не успел я глаза протереть, как слышу за окном кто-то поскакивает да попрыгивает. Коля! И как он только молоко не разольёт? Попрыгал он по дорожке, остановился у моего окна. Кувшин с парным молоком поставил на подоконник, а сам не уходит, смотрит, что нового в моей комнате.

– Доброе утро, Коля, – говорю ему. – Какие новости принёс?

– Ничего особенного нет, – отвечает мне. – Только у наших соседей куница ночью подбиралась к цыплятам... На следующую ночь придёт опять.

– Откуда же тебе известно, что придёт? – не поверил я.

Посмотрел он на меня, словно старшеклассник на до-школьника, и подробно объясняет:

– Об этом все уже знают. Куница, она такая – будет ходить, пока её хорошенько не напугать. Потому что больше всего на свете она любит цыплят.

– А ещё какие новости принёс?

– Спутник утром запустили, это я по радио слышал. Да ещё наша учительница уехала в район, я сам видел, как она в автобус садилась. Да наша Манька подралась сегодня с чёрной коровой.

– Что-то мало у тебя, Коля, новостей, – укоризненно говорю я ему.

– Как это мало? – Коля даже покраснел от обиды. – Вот У нас на картофеле появился колорадский жук. А на вашем картофеле его ещё больше.

– Очень даже хорошо поступаешь, – сказал я с упрёком. – По чужим огородам бегаешь без спросу.

– К-как это по чужим? – от возмущения он даже заикаться начал. – Ведь там уже Аннушка была!

КОЛОРАДСКИЕ ЖУКИ

Сразу же после завтрака Аннушка выпросила у мамы три стеклянные банки и позвала меня с собой:

Пойдём ловить колорадских жуков...

– А зачем нам три банки? – спросил я, потому что знал: маме сейчас некогда, а Наташе ещё не разрешают хозяйничать на огороде.

– Коля нам будет помогать, – ответила Аннушка. – А потом мы ему поможем.

Нет ничего страшнее колорадского жука. Уж если он завелся на огороде, то не уйдёт до тех пор, пока не уничтожит на картофеле последний листик. Или пока его самого не уничтожат. Только мало кто знает, как это сделать.

А Коле известны целых три способа. Можно, например, разводить фазанов, они очень любят лакомиться колорадскими жуками. Но ни он, ни мы с Аннушкой что-то не видели в нашем селе фазанов. Да они здесь никогда и не водились...

Можно травить вредителей химикалиями, но от этого в первую очередь страдают полезные черви и муравьи.

Поэтому Коля предложил самый простой и надёжный способ – ловить каждого жука поодиночке и бросать его в стеклянную баночку с керосином.

Вышли мы втроём на огород, распределили участки и принялись вылавливать

колорадских жуков. Коля разошёлся: вдоль картофельных рядов попрыгивает, то одним, то другим глазком посматривает. И всё наклоняется да наклоняется, словно воробышек, склёвывающий зёрнышки.

Аннушка прохаживается, будто вышла на прогулку, осматривает сразу по нескольку кустов. И лицо у неё такое восторженное, словно ей поручили нюхать неведомые цветы, а не собирать каких-то колорадских жуков.

А их, этих жуков, оказывается, совсем не тяжело собирать. Личинки, словно божьи коровки, краснеют на зелёных листьях. А взрослые жуки полосатые – в светлую да коричневую полосы. И раза в три больше божьих коровок.

Собираю я этих жуков и их личинки, к каждому кустику присматриваюсь. Но, наверное, плохо присматриваюсь, потому что время от времени слышу:

– Володя, а ты жука пропустил!

– А вот ещё один...

Расстроился я: выходит, хуже их работаю? Ну уж извините, не может быть, чтобы взрослые да уступали в чём-нибудь подобным сорванцам!

Стал я ещё внимательнее присматриваться к картофельным кустам. И всё равно слышу:

– А ты ещё одного жука пропустил!

Не выдержал я. Нет уж, думаю, хватит делать мне замечания! Нужно как-то заставить их замолчать. А как?

И я придумал вот что.

Перво-наперво я начал присматриваться к Аннушкиным рядам. Вижу – под листиком затаилась одна личинка. Обрадовался я, словно мне мороженое подарили, и кричу на весь огород:

– Что же ты, Аннушка, так невнимательно собираешь?

Перестала Аннушка делать мне замечания.

Зато сколько я ни присматривался к Колиным рядам ничего не смог найти.

Другой уже давно сдался бы на моём месте. Но только не я. Улучил минутку, когда, как мне казалось, Коля с Аннушкой отвернулись, и подбросил ему колорадского жука.

– И ты, Коля, тоже хорош, – укоризненно говорю ему. – Другим подсказываешь, а у самого вон что делается...

Покраснел Коля, но промолчал. Не глядя, бросил подброшенного жука в банку и снова ушёл вперёд.

– А чего ты не осматриваешь весь куст? – спросил я. – Может, там ещё что-то есть.

– Нет, – отвечает мне Коля. – Там всё чисто.

Хорошо мне теперь – никто не подсказывает. Хорошо, да не очень. Может, не нужно было подбрасывать этого жука?

Потом мы принялись за подсчёты: У меня и у Коли оказалось по пятьдесят жуков, у Аннушки – сорок три.

«УРА» ВЗРОСЛОМУ ОКТЯБРЕНКУ

– Это потому, что я городская и мы их в школе не проходили, – оправдалась Аннушка. – Зато Володя собирает жуков, как настоящий октябрёнок. Правда, Коля?

Но Коля молчит, словно воды в рот набрал. Странно, на него это не похоже.

– А давай мы с тобой, Коля, за это примем Володю в октябрюта? – предложила Аннушка.

– Но ведь я уже когда-то был октябрёнком, – запротестовал я.

– А мы тебя обратно примем... Вот и будет у нас трое октябрют.

– И будут их называть: октябрюта Наф-Наф, НифНиф и Нуф-Нуф, – сказал я.

Аннушка было улыбнулась, но сразу же сделалась серьёзной.

– А ты, пожалуйста, не издевайся, – сказала она. – Неужели ты забыл, что октябрюта – самые смелые и честные ребята?

Я, конечно, не забыл об этом. Поэтому меня и беспокоит то, что я так некрасиво поступил с Колей... А ведь он собирал жуков лучше нас всех.

Посмотрел я, как он ковыряет босоножкой землю, и признался:

– Нет, ребятки, не могу я октябрёнком быть – очень нечестно поступил сегодня.

– А если бы поступили честно, то у вас было бы пятьдесят один жук, а у меня только сорок девять, – наконец сказал Коля. – и вы бы стали победителем.

Вот ведь глазастый какой! Совсем мне стало стыдно.

– Извини, пожалуйста, Коля, – сказал я и огорчённо развёл руками, – что-то уж очень обидно я подшучиваю над тобой. Наверное, потому, что ты часто краснеешь...

Посмотрел Коля мне в глаза, подумал и начал снимать со своей рубашки красную октябрютскую звёздочку.

– Только осенью обязательно отдайте, а то в школе подумают, что я её потерял.

Когда он прикреплял мне звёздочку, Аннушка смотрела на меня своими хитрыми глазами и ехидничала:

– Да здравствует наш взрослый октябрёнок! Ура, ура, ура!

Но я сначала позволил прикрепить себе на грудь звёздочку. И только потом щёлкнул Аннушку по её ехидному носу.

ЕСЛИ ТЫ УТОНЕШЬ...

Мама очень обрадовалась, когда мы показали ей баночки с выловленными жуками.

– Вот какие у меня помощники, – сказала она. – За это вас нужно всё время угощать картофельными шанежками и дранками.

Мы, конечно, были не против.

А мама пошарила в переднике и вытащила из кармана большой железный ключ.

– Бабушка Вера привет вам передавала и вот этот ключ от лодки. Можете хоть целый день кататься! Только на обед не забудьте прийти.

Ура бабушке Вере!

Но конечно, сначала мы искупаемся.

Речка протекала близко, сразу же за прудом, обросшим старыми дуплистыми ивами. Нужно только пройти парк и сбегать с горки.

Наташа побрызгала на себя водой и сразу же вылезла на берег. Песок ей нравился больше, чем самая тёплая вода. Она была большая мастерица готовить из него куличики.

А вода была такой прозрачной и тёплой, что совсем не хотелось вылезать на

берег. Сначала я поплыл на другой берег к камышам, потом нарвал для бабы Веры кувшинок. И только после этого начал искать раков – когда-то их было здесь очень много. Но сколько ни искал, не мог поймать ни одного. Наверное, они перебрались в другое место или их уже выловили местные ребяташки. Коля осторожно заходил в речку по самую шею, потом оборачивался и плыл обратно... Он старался плыть поморскому, совсем без брызг. Иногда это ему удавалось.

Зато Аннушка брызгалась больше всех. Она плавала вдоль самого берега, держась за дно руками: и так молотила ногами по воде, что над речкой поднималась разноцветная радуга.

– Смотрите, я плыву! – кричала она. – Смотри, Володя, как я плаваю! Правда, здорово?

Время от времени Аннушкины руки попадали в какую-нибудь ямку. И тогда из воды доносил сь непонятное бульканье, а на поверхности оставались быстро мелькающие ноги. Затем Аннушка, словно ошпаренная кипятком, выскакивала из воды, и над ивами взлетал пронзительный крик:

– Спасите! Тону!

На что Наташа, не отрываясь от своих куличиков, спокойно советовала:

– Утонешь – домой не возвращайся.

Она этому научилась у бабушки Веры.

Потом мы отцепили лодку, оттолкнулись от берега и по очереди гребли вёслами.

ТОСКА

Сидим мы на скамеечке под орехом, вынимаем из вишен косточки. Для варенья. Очистили уже целое ведро и ни капельки не устали. Мама не нахвалится. Чистить вишни ей некогда, она ужин готовит. Дранки• со сметаной и творожную запеканку.

Воробышек Коля, ловко орудуя косточковынималкой, без умолку тарыхтит, рассказывая последние новости. Наташа с аппетитом уплетает наши вишни без косточек, всё лицо у неё обмазано густым липким соком. И к этому лицу уже начали присматриваться пчёлы. Но, посоветовавшись, всё же направились к ведру. Наверное, решили, что в нём сока пока больше. Правда, я в этом был не очень уверен.

Одна только Аннушка работает молча. Грустит о чём-то, а о чём – никому не известно.

– Что с тобой, Аннушка?

В ответ она тяжело вздохнула:

– Как ты думаешь, Володя, нам здесь хорошо?

Задумался я. Бросил несколько вишен в ведро и только после этого отвечаю:

– Не знаю, нравится тебе здесь или нет, а мне, пожалуй, очень хорошо.

– И мне очень-очень здесь нравится, – соглашается со мной Аннушка. – Только я всё время думаю о том: Как там маме на этой БАМе?

– Не «на этой», а «на этом», – поправляет её всезнающий воробышек Коля.

Будто и не слышит Аннушка, продолжает про себя:

И никто-никто не знает,

Как там мама поживает.

– Может, она уже давно в тайге потерял ась?

– Ну что ты, – засмеялся я, – Там же полно людей и потеряться никак нельзя. Но всё же жалко мне стало Аннушку. Вот до чего затосковала, бедняжка, – даже стихами заговорила.

И Коля тоже вдруг приумолк, задумался о чём-то. Когда тоскует Аннушка, ему тоже не по себе становится.

Радуеться одна только Наташа. Уж очень ей нравятся наши вишни без косточек.

УПРЯМАЯ НАСЕДКА

Вчера была наказана Аннушка, позавчера – Наташа... А сегодня моя очередь стоять в углу. Так решили все.

А как чудесно начинался день! В небе не было видно ни одного облачка. Тихо вокруг, даже ветер – и тот куда-то исчез. Только птицы щебечут. К тому же был субботний день, и мама велела нам отдыхать.

С самого утра мы сидели в саду за шахматной доской. Я один играл против Аннушки и Коли, да ещё им и Наташа помогала. Чтобы игра была равной, я отдал в самом начале две ладьи, потом снял с доски своих коней и слонов и всё равно выигрывал.

Очень даже хорошо начинался этот день!

Перед обедом, когда мы заканчивали пятую партию, к нам подошла мама. Она посмотрела на игру, поинтересовалась результатом и пожурела меня за то, что я такой бессердечный – издеваюсь над беззащитными малышами. Потом сказала:

– Мне сейчас нужно сходить на почту, а после этого в магазин. И если вы, конечно, не против, я могу вам дать одно задание.

– А интересное задание? – спросила Наташа.

– Да как вам сказать... Там в кухне, под столом, наседка сидит, – ответила мама, и я невольно потянулся к своей макушке. – Я её уже покормила и выпустила погулять. А вы должны через полчаса загнать её обратно в гнездо. Сделаете?

– Хорошо, – отвечаю за всех. – Сделаем.

Это та самая наседка, о которой мне до сих пор напоминает шишка на голове...

Наседку я, правда, ещё не рассмотрел как следует – она всё своё время проводила в гнезде, на яйцах. Знаю только, что эта наседка белая и с хохолком на голове.

Играли мы, играли и, наконец, надоело Аннушке с Колей всё время мне проигрывать.

– А не пора ли нам загонять наседку? – спросил хитрый Коля. – А то яйца могут остыть.

Я взглянул на свои часы. Верно, пора заниматься наседкой.

Долго её искать не пришлось – она ходила неподалёку от нас и травку пощипывала.

Открыли мы дверь на кухню – да не идет наседка, копошится в земле, что-то склёвывает.

– Вчера так она прибежала сама, – сказала Аннушка. – Как только бабушка открыла дверь – сразу и прибежала.

– День уж больно хороший, – вступился я за наседку. Вот ей и не хочется заходить.

– Это правда, – согласился со мной Коля. – С наседками иногда и не такое бывает...

Начали мы её загонять в дом, да не получилось. Заволновалась наседка и с громким кудахтаньем убежала в кусты. На этот шум явился петух и начал возмущаться:

«Куд-куда! – кричит. – Куд-куда?»

Зачем, мол, вы её гоняете и что она вам такого плохого сделала?

– Ничего у нас не получится, – вздохнул Коля. – Её ловить нужно.

– Ну, это долго, – поморщился я.

И вдруг мне пришла в голову одна очень интересная мысль.

– Давайте лучше насыпем на дорожку зерна, а сверху положим петлю, – сказал я.

– Верно! – восторженно пропищала. Аннушка. – А сами в кусты запрячемся.

Она примется клевать зерно, а мы дёрг за верёвочку!

– И наседка попадёт в наши руки, – подхватил было Коля, но сразу же добавил:

– Правда, я в этом не очень-то уверен...

Но его последних слов я уже не слышал – так мне понравилась моя мысль.

– Принеси зерна! – команду Аннушке. – А ты, Коля, сбегай за шпагатом!

Сделали мы всё, как и задумали. Затаились в кустах, ожидаем, когда придёт наседка. Только первым подбежал петух. Разгребает лапами зерно и кур созывает: «Ко-ко-ко-ко!» (Сюда, мол, а то будет поздно!) Сбежалось кур видимо-невидимо – целых двенадцать.

Вмиг расклевали наседкино зерно.

Пришлось Аннушке ещё раз сбежать в кладовую. И снова первым подошёл петух.

– А ну уйди! – высунулась Аннушка из кустов и взмахнула рукой: – Кы-ы-шш!

От неожиданности петух взвился в воздух. И лапой зацепил петлю, сам себя поймал.

Он оказался очень сильным. Пока мы его освобождали из петли, он успел поцарапать нас с Колей своими мощными когтями. Аннушке тоже досталось крылом по голове.

Невредимой осталась одна только Наташа. Она заблаговременно влезла на дерево и теперь с восторгом наблюдала за происходящими событиями.

– Ничего не поделаешь, – снова вздохнул Коля, – придётся за наседкой гоняться, пока не поймаем.

Пришлось мне с ним согласиться.

СНОВА ШИШКА

Аннушка с Колей бежали вдоль забора и громко кричали. Чтобы наседка не выскочила на улицу и не убежала в чужой огород.

Я мчался по аккуратным капустным грядкам, перепрыгивал через тыквенную и картофельную ботву. Наташа с пыхтеньем топала следом и, словно маленький бульдозер, оставляла за собой хорошо протоптанную дорожку. Ох и влетит же нам от мамы!

А впереди с истошным кудяхтаньем улепётывала от нас белая наседка с хохолком на своей глупой голове.

К нашему счастью, улепётывала она недолго. Скоро мы загнали её в узкий проход между погребом и сараем. С одной стороны прохода я, с другой – Коля с Аннушкой.

А Наташа всё ещё воевала с ботвой.

– Гоните её на меня! – отдышавшись, скомандовал я. Я был уверен, что обязательно сумею поймать эту неуловимую наседку. В своё время я был вратарём футбольной команды, мне даже присвоили разряд. А здесь всего-навсего какая-то недощипанная курица!

Но я совершенно забыл о том, что курица может без моего спроса менять направление, чего не дано ни одному мячу... И когда я бросился наседке наперерез, когда мои пальцы уже касались наседкиных крыльев, она вдруг высоко взметнуась над землёй... А я с размаху стукнулся лбом об угол погреба, хорошо хоть, что он был глиняный. И вместо белого хвоста перед моими глазами заплясали малиновые молнии.

Бедная моя голова!..

Больше мы за наседкой не гонялись. Пока Аннушка прикладывала к моей голове примочки, Коля один с ней управился.

Но наседка никак не хотела садиться на остывающие яйца. Не хуже петуха вырывалась она из наших рук и отчаянным кудяхтаньем сзывала на помощь своё куриное войско.

– Это у неё от испуга, – объяснил нам Коля. – С курами иногда и не такое бывает...

– Ничего, вот мы её сейчас привяжем к гнезду, пусть попробует тогда вырваться! – рассердившись, сказал я.

Так мы и сделали.

Когда возвратилась моя мама, мы уже снова играли в шахматы. Будто и не случилось ничего. Только теперь проигрывал уже я.

Похвалила мама детишек за упорство и пошла на кухню.

– Господи, что же вы наделали? – послышался вдруг ее возглас.

– Как что? – удивился я и начал объяснять маме: – Поймали наседку и посадили её на гнездо... А больше мы ни к чему и не прикасались.

– Да это же не наседка!

– Как не наседка? – изумился я.

Оказывается, это была обыкновенная курица. Такая же белая, с хохолком на голове, но не наседка.

Бедная моя голова!..

Настоящую наседку мама сама разыскала в дровяном сарайчике. Хорошо, что хоть яйца ещё не остыли.

И вот сейчас я стою в углу и грустно размышляю о том, как нескладно всё получилось...

А впрочем, здесь, в углу, не так уж и плохо. Только нужно сказать маме, чтобы принесла раскладушку.

ПОЧТАЛЬОН

В дверь постучали.

Наверное, опять Аннушка. Ох и вредный же человек совсем не даёт мне прохода с этой куриной историей! Ежеминутно стучит в дверь и, получив разрешение войти, предлагает вместо наседки посадить на яйца петуха.

Ну•погоди! Сейчас я отучу тебя стучаться.

На цыпочках подбегаю к дверям и становлюсь на четвереньки. Совсем как настоящий пёс.

Снова раздался стук. Громкий, требовательный. Но•я затаился перед дверью и не отвечаю. Только улыбаюсь до ушей, представляя, что случится с Аннушкой, если она откроет дверь, а я неожиданно затявкаю.

Двери медленно открылись.

– Гав! Гав!

– Ой! – воскликнул кто-то мужским голосом.

Поднимаю вверх глаза и вижу: на пороге стоит старенький наш почтальон и рука с сумкой у него вздрагивает. Стоит и с опаской поглядывает на меня.

Господи, ну что сегодня за день такой разнесчастный!

– Извините, пожалуйста, – сказал я, сгорая со стыда. – Я подумал, что это стучат девочки;

– Ничего, я вас понимаю, – отвечает почтальон. – Ко мне тоже недавно приехали внуки... А вы интересно придумали – тявкать, как только двери открываются, – вдруг оживился он.

– Интересно? – удивился я. – Почему интересно?

– И не спорьте со мной, я знаю лучше Вас, – настаивает почтальон. – Только у вас выходит маленькая неувязочка.

– Какая неувязочка? – Я ничего не мог понять.

– Когда вы тявкаете, обязательно старайтесь поскрести землю своей задней ногой. Ещё страшней получится... Вот попробуйте, не стесняйтесь!

– Спасибо, – отвечаю этому чудесному дедушке. – Как-нибудь в другой раз. Сел почтальон на стул, который я ему предложил, вытер синим платочком вспотевший лоб.

– Совсем загоняли меня внуки, – пожаловался ОН. – Под каждым кустом прячусь и тявкаю, весь огород уже перерыл задней ногой. А им нравится, ещё требуют...

– Я вас очень понимаю, – с участием говорю ему. Теперь я совсем уже не стыдился того, что только минуту назад сидел под дверьми и тявкал.

– Может, выпьете чего-нибудь холодненького? – спрашиваю я. – А то на улице такая жара...

– С удовольствием выпью, – соглашается он.

Наливаю ему большую кружку холодного компота.

Попробовал он, одобрительно кивнул своей седой головой.

– Славный компот, давно не пил такого, – похвалил он, когда в кружке ничего уже не осталось. – Очень вкусный компот готовит ваша мама!

– Это не мама, это Аннушка приготовила, – отвечаю я. – А мама только советы подавала.

– Ты смотри! – удивился почтальон. – Так вы её отблагодарите за меня,

напугайте хорошенько по моему способу. Ужас как это нравится детишкам!
– Обязательно напугаю, – пообещал я. – Большое вам спасибо за науку.
А почтальон уже вспомнил о делах, начал рыться в своей бездонной сумке.
– Вам письмо, – говорит он. – С самого БАМа.

И протягивает мне толстый синий конверт.

ПИСЬМО

Настроение у всех было превосходное.

Как только я, размахивая письмом, вышел в сад, меня сразу же простили. И я был очень рад этому. Что там ни говорите, а стоять в неуютном углу пасмурной кухни – занятие не слишком весёлое.

Я с удовольствием присел на тёплую траву и с ещё большим удовольствием захрустел сочным яблоком, которое сорвал для меня воробышек Коля. Наташа сразу же вскарабкалась мне на плечи. Коля так и остался на дереве и сейчас раскачивался вместе с яблонею веткой. Только старался поменьше шуметь, потому что Аннушка нам читала письмо от своей мамы. Громко и с выражением.

– «Здравствуйте, дорогая Аннушка и Володя!»

– Это ты, значит, дорогая, а я так себе, без названия, – обиженно сказал я и стряхнул с себя Наташу. – Невежливая мама у тебя, Аннушка.

– Напрасно ты так говоришь, Володя, – отвечает Аннушка. – Моя мама очень, очень хорошая. Если хочешь знать, ты у неё «уважаемый». Мама так всем своим знакомым пишет. Вот так: «Здравствуйте, дорогая Аннушка и уважаемый Володя!»

– Хорошо, – одобрил я. – Читай дальше.

Аннушка продолжала:,,

– «Пишу вам с БАМа, с самой далёкой и большой комсомольской стройки. Уже несколько дней я живу в новой гостинице, напротив новой школы-десятилетки. А до этого я несколько дней не вылезала из вездеходов да вертолётот – знакомилась с будущей трассой...

– Вот бы нам туда... – прозвучал с ветки мечтательный голос.

– «Сейчас на БАМе очень тепло. Тайга большая, звери непуганые. Людей очень много, и всё больше молодые. А машин всяких ещё больше. Жаль только, что детей пока маловато, все очень огорчаются, когда вспоминают. об этом. Зато какую школу выстроили для них! Как в самом большом городе. И тех детей, которые здесь уже есть, очень любят и балуют...

– Вот бы нам туда! – мечтательно повторил Коля.

– А что, тебе здесь плохо? – спросил я.

– Конечно, нет!.. Но там, наверное, интересней, в одной тайге чего только не увидишь. И потом... – Коля даже заёрзал на своей ветке, – и потом, интересно, чем там детей балуют.

– Да, очень интересно, – поддержала его Наташа и залезла рукой в банку с малиной, которую начала было собирать Аннушка.

– «Только баловать их почти что нечем, – словно отвечает им Аннушка. – Одно лишь печенье да конфеты продаются в магазинах. Зато когда сюда привозят свежее повидло, для детишек наступает настоящий праздник...

– Не люблю повидла! – скривилась Наташа. – Варенье намного вкуснее.

И Коля молчит: наверное, раздумывает, стоит ли ехать – такую даль ради того, чтобы тебя повидлом побаловали.

– Не мешай, пожалуйста, Наташа, – с досадой говорит Аннушка и продолжает дальше: – «Завидую Я вам, и все здешние ребятишки завидуют... Они очень интересуются, как вы живёте, какая рыба ловится в Днепре, какие звери бегают по приднепровским лесам. Меня уже дважды приглашали в местную школу, чтобы я рассказала маленьким бамовцам о Москве и о вас...»

– О нас? – радостно переспросила Наташа. – И обо мне тоже?

Я кивнул ей головой и приложил палец к губам: не мешай, мол, нам слушать!

А Аннушка продолжала:

– «В общем, хорошо здесь, весело, интересно, сразу же за посёлком можно набрать за несколько часов целое лукошко голубики. А у вас сейчас абрикосы, яблоки, малина... Ах, увидеть бы хоть одну баночку самого расплохого варенья, на которое вы там, наверное, и смотреть уже не можете...» Это мама о смородиновом варенье пишет. Правда, Володя?

– Может быть, – отвечаю я.

Что касается меня, то я уже ни на какое варенье не смотрю. Надоело оно мне.

– А дальше моя мама ничего такого интересного не пишет, – сказала Аннушка.

– Только, чтобы я тебя слушалась. И бабушку тоже. – Она бережно запрятала мамино письмо в кармашек сарафана.

Мы замолчали, обдумывая то, что Аннушка только что нам прочитала. Даже Наташа приумолкла.

– А сколько там людей, на этом БАМе? – наконец нарушил молчание Коля.

– На БАМе? – переспросил я. – Тысяч двадцать пять будет, об этом в газетах писали... Одних только строителей.

– Ого, как много! – воскликнул удивлённый Коля. – А вот таких, как мы, сколько будет?

– Таких, как вы, нет во всём мире, – ответил я. – Вы единственные такие.

Коля даже зарделся от смущения, но не отступает:

– Да нет же, я о тех говорю, кто тоже в третий класс перешёл. Или в четвёртый...

– Ну, о таких мне ничего не известно, – сказал я, помолчав. – Может, сто, а может, двести.

– И все они живут без варенья? – ужаснулась Наташа.

«У НАС СОБРАНИЕ...»

Окончились наши тихие, спокойные дни. А впрочем, стоит ли теперь о них жалеть?

А всё Коля виноват.

После того как Аннушка прочла нам мамино письмо, он долго ещё выпрашивал меня о БАМе, и так подробно, будто я сам только что оттуда вернулся. Особенно его интересовало то, какие детишки там живут и чем они занимаются.

Когда я спросил его, зачем ему это нужно, он ответил:

– Взрослых, которые там работают, можно каждый день увидеть по телевизору,

а вот бамовских ребят я ни разу ещё не видел.

После этого он куда-то исчез.

Не было его целый день и целый вечер. Не пришёл он и на следующее утро.

Молоко нам принесла его бабушка. Поставив полный бидончик на подоконник, она пожаловалась на внука:

– Как угнал Маньку-то рано утром в стадо, так до сих пор не возвратился... –

Она подозрительно посмотрела на меня, будто я был виноват в том, что он куда-то исчез. Сказал, чтобы и не ждали скоро, у него в школе какие-то дела будто бы есть. А какие дела могут быть в школе, ведь там нынче каникулы... Совсем уж мальчонка от рук отбился.

Успокоил я её, сказал, что у нынешних учеников и в каникулы дел полно. Да плохо, видно, успокоил, потому что она, уходя, всё ещё продолжала ворчать:

– Все строят чего-то, ломают, носятся как угорелые, нет того, чтобы со старой бабушкой посидеть. Вот в наше-то время...

Что было в бабушкино время, я не расслышал, потому что в это время она хлопнула калиткой.

Уже роса высохла на траве, уже солнце поднялось высоко над деревьями – нет Коли! Словно корова Манька слизала его своим языком.

– Не иначе как с ним что-то стряслось, – предположил я. – Проведать бы его нужно...

– А он ещё не возвращался, – отвечает Аннушка. – Я уже была у него дома.

Только перед самым обедом появился Коля. И привёл с собой целую толпу мальчишек и девчонок из своего класса. Они попросили Аннушку показать им мамино письмо.

Каждый брал это письмо в руки, внимательно его читал и молча передавал другому.

Коля стоял в сторонке и загадочно улыбался.

– Ты не можешь мне объяснить, что всё это значит? – спросил я у него.

– Да ничего, – успокоил он меня. – Просто всем интересно, как живут на БАМе ребяташки.

Но было видно, что он чего-то не договаривает.

А дети всё читали и перечитывали письмо. Наверное, никак не могли поверить, что где-то в нашей стране, и не просто где-нибудь, а на самом БАМе, живут ребяташки, которым не хватает варенья.

Под вечер Коля привёл с собой двух вожатых из старших классов. И они снова принялись читать Аннушкино письмо.

На другое утро вместе с классом пришла и учительница, Вера Николаевна.

Уходя, они попросили меня, чтобы я разрешил им взять с собой и Аннушку.

Вместе с письмом.

Я тоже хотел отправиться вместе с ними, но какой-то рыжий мальчишка строго сказал:

– Нельзя вам. У нас будет собрание.

– Тогда зачем же вы берёте с собой Аннушку? Она же не из вашего класса и даже не из вашей школы.

– У нас дело есть, – снисходительно объяснил мне рыжий, и мне почему-то

захотелось хорошенько потрепать его огненный чубчик. – А Аннушка нам очень нужна.

Вот и всё, что он мне сказал. Но зачем им нужна Аннушка?

«РАССКАЖУ СЕКРЕТ ПО СЕКРЕТУ...»

Когда Аннушка возвратилась из школы, я уже сделал свои домашние дела и сидел с книгой перед телевизором.

– Ну расскажи, о чём вы там говорили, – убавив звук, поинтересовался я.

– Да так, ни о чём, – уклончиво ответила она.

– А всё-таки о чём? – продолжал я допытываться.

Будто и не расслышала меня Аннушка, на телевизор смотрит. Словно больше всего на свете её интересует какой-то хор. А звук-то ведь выключен!

– Не хочешь говорить, и не надо, – сказал я.

А самому стало немного обидно. Всё же не какие-нибудь мы чужие. Но только чуть-чуть обидно. А больше смешно. Подумать только, совсем ещё маленькая, или, как говорит моя мама, два вершка от горшка, а надо же сидит с таким загадочным видом, будто знает самую важную в мире тайну... Ладно, и я тоже так буду.

Сижу, на телевизор поглядываю, подсчитываю про себя, сколько же будет от горшка два вершка, если всё перевести в сантиметры. И одновременно изображаю на лице печаль и муку горькую.

Сидим молчим. Друг на друга не смотрим. Только исподтишка поглядываем.

Первой не выдержала Аннушка. Наверное, очень уж жалко ей меня стало.

Потому что говорит:

– Ты, пожалуйста, не обижайся, Володя, – и виновато посмотрела мне в глаза. – Но я совсем-совсем не имею права никому ничего говорить, даже тебе. Это очень страшный секрет!

– А я тебя и не спрашиваю ни о чём, – равнодушно отвечаю я и раскрываю книгу. – Молчи, пожалуйста, сколько тебе угодно, меня ваши секреты ни капельки не интересуют.

– Почему? А вдруг мы что-то очень важное решили? – обиженно спросила Аннушка.

Она ожидала, наверное, похвалы, но я ещё большую грусть изобразил на своём лице. Даже горькую слезу хотел пустить из глаз. Да жалко, луковицы рядом не было.

– Потому что если это секрет, зачем же говорить? – И, помолчав, добавил: – Теперь я тоже буду секретничать...

Надулась Аннушка, молча вышла во двор. Сквозь раскрытое окно я слышал, как она поговорила с моей мамой, как принялась бегать с Наташей вокруг дома. Но только не выдержала – через минуту снова возвратилась:

– А мы такое придумали!.. Только об этом пока нельзя говорить.

И на меня посматривает. Ждёт, когда я печалиться перестану.

А я делаю вид, будто и не слышу её. Сижу, книгу читаю, словно и нет мне никакого дела до того, что они там задумали.

А Аннушка всё не понимает:

– Вот будет здорово, если мы сделаем то, что задумали!

Только это секрет, очень-очень важный секрет.

Нет, всё же некрасиво она поступает, нехорошо. Одно дело – держать свой язык за зубами, и совсем уж распоследнее дело – похваться не своими секретами... Надо бы её отучить от этого.

А Аннушке совсем уж неважноту стало. Она оглянулась на дверь и прошептала: – Хочешь, я тебе расскажу секрет по секрету? – и снова на дверь оглянулась. – Только одному тебе. И на ушко.

Я немного помедлил, чтобы она не подумала, будто мне очень хочется узнать о её секрете, и наконец согласился:

– Ну ладно, рассказывай, – и быстрее подставил ухо. Но в самую последнюю минуту Аннушка всё-таки сдержалась. Отбежала к дверям и оттуда сказала:

Села муха на варенье,

Вот и всё стихотворенье.

Нет, никаких секретов я тебе, Володя, не выдам, нельзя! Сам догадайся, о чём говорится в этом стихотворении!

Ничего я ей не ответил. Поднялся и молча ушёл к себе.

Даже дверь на ключ закрыл. Хотя про себя и похвалил Аннушку за её выдержку. А в комнате уселся и начал думать о том, как бы наказать её за то, что похвывается своим секретом. Вот у меня самого, например, их на целый класс наберётся, и то я этим не хвастаюсь...

В КАМЫШАХ

Утром мы с Наташей уходили из дому.

– Вы куда это собрались? – крикнула нам вдогонку Аннушка.

Она в это время причёсывалась перед зеркалом. Рядом стоял Коля, торопил её – они опаздывали в школу.

– Ты, Аннушка, хочешь знать, куда мы уходим, да? – спросил я.

Так печально спросил, что даже самому себя стало жалко.

Аннушка кивнула головой. Даже причёсываться перестала.

– Так вот, знай: у вас свои секреты, а у нас с Наташей – свои.

Вот какое наказание я придумал! Мы гордо повернулись и ушли.

Наверное, таких камышей, как возле нашей деревни, больше не найти. Они начинаются сразу же за старым лесом, в котором издавна растут огромные дуплистые деревья. Деревья старые-престарые! и такие толстые, что даже трое взрослых, взявшись за руки, не смогут их обнять. И все эти деревья, как сказал мне когда-то лесничий, внимательно охраняются. Даже ветку нельзя срубить без специального разрешения. Да и с разрешения никто этого не сможет сделать – так высоко поднялись над лесом эти деревья. Под ними прохладно и просторно, как в огромном зале. Всё видно вокруг, кроме неба.

Но мне почему-то больше нравилось бродить в камышах.

Земля здесь мягкая, пружинистая, по ней не идёшь, а подпрыгиваешь. А где-то наверху переговариваются о чём-то высокие камыши с густыми коричневыми метелками. Словно солдаты, маршируют они куда-то вдаль через топи. С самого высокого дерева нельзя увидеть, куда они маршируют. Только таинственно и немо мерцают среди этих стройных жёлтых рядов голубые озёрца. Не то что волн, а даже самой маленькой ряби здесь не бывает. Разве что

вздрагнет водяная гладь, когда по ней озабоченно проплывёт водяная крыса. Или с шумом и кряканьем сядет утиный выводок и сразу же растворится в камышах, удирая от орла или ястреба. А время от времени застывший воздух сотрясается от страшного рёва. Такого страшного, что хочется сразу же без оглядки бежать подальше от этого подозрительного болота... Я-то уж знаю, что это всего-навсего кричит небольшая болотная птичка – выпь, водяной бугай. Но никому о ней стараюсь не говорить – пусть пугаются себе на здоровье. Этой весной в болото упало самое высокое и толстое дерево. Никто его не срубил, оно само от старости сломалось. Говорят, что, когда оно падало, треск был слышен даже в деревне, за километр отсюда. Сейчас это дерево возвышалось над камышами, словно большой недостроенный мост. Вот на этом недостроенном мосту и сели передохнуть мы с Наташей. Под нами было небольшое озерко. Кое-где его покрывала тина. Жарко.

Я зачерпнул горсть воды и брызнул себе на лицо. Наташа сделала то же самое, но этого ей показалось мало.

– Я сейчас искупаюсь, – объявила она.

– Здесь купаться нельзя, – запретил я. – Опасно.

– Почему? – спросила она.

Дно очень вязкое, – сказал я. Да разве она поймёт?

Местные жители очень удивились нашему приходу. Огромная стрекоза, которая перед этим дразнила лягушек, летая низко над озерком, от неожиданности плюхнулась на ближайшую ветку и озадаченно уставилась на нас своими выпученными глазами. Правда, через минуту она сорвалась с ветки и, трепеща жёсткими прозрачными крыльями, быстро удалилась. Наверное, спешила поделиться потрясающей новостью со своими пучеглазыми приятельницами.

Не меньше стрекозы изумилась и охотящаяся за ней золотистая лягушка. Словно окаменела, увидев нас. Наташа уже и рукой на неё замахивалась, и веточки бросала – не шелохнётся. Разве что глазами моргает, и то, если ветка упадёт слишком близко. Наташа хотела было снова полезть в воду, но вдруг рядом с нами вспучилась ряска, и на поверхности появилась чёрная голова со злыми глазами.

– Ой, что это? – От неожиданности Наташа даже отшатнулась.

Я быстро разгрёб ряску вокруг этой головы, но было уже поздно. Мы успели заметить только небольшой серый камень, который, медленно работая лапами, опускался на илистое дно.

– Это болотная черепаха, – объяснил я.

Наташа тоже начала разгребать •ряску. Правда, на всякий случай спросила:

– А она не кусается?

– Эта? Не больно... – Я подумал, что неплохо было бы припугнуть Наташу, чтобы никогда больше не лезла без спросу в болото. – А вот в далёких тёплых•морях есть черепахи величиной с наш обеденный стол. Так они очень даже просто могут утащить человека на морское дно...

Я искоса взглянул на Наташу: не испугал ась ли? Может, и испугал ась, да не

очень – руку из воды не вынимает.

– А вон на камышинке висит чёрная ленточка, – продолжал я пугать её дальше.

– Ты думаешь, это простая себе ленточка, да?

Наташа согласно кивнула головой:

– Я недавно потеряла такую же ленточку. Может, это она нашлась?

– Как бы не так...

Я отломил от дерева сучок потолще и бросил в ленточку.

Сучок слегка задел камышинку, камышинка вздрогнула. В то же мгновение чёрная ленточка бесшумно соскользнула с камышового листа и, извиваясь, быстро поплыла к противоположному берегу.

– Так вот, Наташа... Эта чёрная ленточка называется гадюкой. Она грелась на солнышке, а мы с тобой её вспугнули. А вспугнутые гадюки знаешь какие злые?

Теперь Наташе почему-то перехотелось лезть в воду. Она решила, что за моей спиной ей будет гораздо удобнее.

А тут ещё в камышовых зарослях, совсем неподалёку от нас, страшным голосом заревел водяной бугай, и бесстрашная Наташа сразу же запросилась домой.

Когда Аннушка возвратилась из школы, я уже сидел за столом и работал.

Наташа сидела на скамейке возле кухни и, болтая ногами, рассказывала бабушке о наших утренних похождениях.

– Так где же вы без меня были? – ревниво спросила Аннушка.

Видно, крепко задел её наш уход. Что ж, самое время ее воспитывать...

– Да так, искали всякие приключения, – как можно небрежнее бросил я.

– И нашли? – Аннушка затаила дыхание.

– Конечно... Но если тебя это интересует, расспроси обо всём у Наташи, а мне, видишь, некогда.

Аннушка постояла ещё немного, но так как я ничего больше не говорил, она повернулась и неслышно вышла из комнаты.

СЕРЬЕЗНЫЙ РАЗГОВОР

Я продолжал работать, но время от времени прислушивался к тому, что делается за окном.

– ...Тогда чёрная гадюка спрыгнула с ветки и поплыла к нам! – возбуждённо говорила Наташа. – А черепаха ухватила её за хвост и потащила под воду!

И где только она научилась такое выдумывать?

Долго ещё похвалялась Наташа, а когда выговорилась, они вдвоём вошли в мою комнату.

– Теперь тебе ясно, где мы были? – спросил я Аннушку и подальше отодвинулся от стола, так как думал, что нам предстоит долгий разговор о дружбе и откровенности, о своих и о чужих секретах и о многом-многом другом.

Аннушка не ответила. Она оглядела комнату, словно попала сюда впервые, и отошла к окну. Наверное, что-то интересное там увидела.

Но сколько можно рассматривать то, что видишь каждый день? И почему это вдруг начали вздрагивать её худенькие плечи?

– Ты плачешь? – спросила Наташа, заглядывая ей в лицо. – А почему ты плачешь?

Вот тебе и раз!

Теперь уже и мне стало не по себе. Потому что не могу спокойно переносить детского плача. Да, вот как получается, когда хочешь кого-то серьёзно, повзрослому воспитывать...

Я представил себе, что сейчас должна чувствовать Аннушка. Далеко от родного дома, от мамы и одноклассников. Ох, как плохо одному, хуже некуда!

Особенно, когда последний близкий человек позабыл о тебе...

Но с другой стороны, я же был прав, да? Ведь нужно же как-то наказывать хвастунишек, которые только и делают, что похваляются чужими секретами?

– Вот видишь, как некрасиво всё получается, – начал я объясняться с Аннушкой. – Сама нечестно поступила, а теперь плачешь... Что же, выходит, я ещё и виноват?

– Ты очень жестокий человек, Володя, – грустно сказала Аннушка. – Очень, очень жестокий.

Откуда ты это взяла? – удивился я.

– Потому что я не имею никакого права выдавать тебе наши секреты. А ты бы мог сказать, куда вы идёте, но нарочно не сказал.

– Я не сказал об этом только потому, что хотел наказать тебя за хвастовство, понимаешь ты или нет?

Будто и не слышала Аннушка этих слов.

– А кто мне когда-то обещал, что покажет камыши, а? – еле сдерживая слёзы, спросила она.

– Ну, я обещал...

– А кто не выполняет своих обещаний? Кто меня целыми днями взаперти держит, тоже не знаешь?

– Как это взаперти? – Я даже растерялся, потому что это было неправдой. – А кто тебя на речку водил купаться и сколько раз, не помнишь?

– А на болото не повёл!

– Ежиков каждый день перед сном ищем?

– А на болоте не были! Не были, не были!

– А сколько раз были в лесу, забыла?

– А на болоте ни разу не были! Где я теперь черепаху увижу, а? Жестокий ты человек, жестокий!

– Да успокойся же, Аннушка... – И зачем я взялся за её воспитание? – Ещё будет у нас с тобой время и на черепаху посмотреть, и на лягушек твоих...

– Нет, не успеем! – перебила меня Аннушка. – Других, может, и посмотрим, а этих нет! – А этих я уже никогда, никогда не увижу! – И она вдруг горько-горько заплакала.

Наташа, которая всё время внимательно прислушивалась к нашему разговору, удивлённо взглянула на неё, потом на меня, будто спросила: зачем же ты так обидел Аннушку? Потом губы у неё горестно вздрогнули, и она вдруг заревела ещё громче Аннушки.

Ну что мне делать с этим невыносимым народом? Хоть сам реви вместе с ними!

– А ну, плаксы, марш из комнаты! – возмутился я. – Нечего здесь сырость разводить! Идите куда хотите и плачьте сколько вам угодно! А то завели привычку мешать занятому человеку!

Конечно, это было жестоко, но иначе я не мог. Уступишь раз, а потом они сядут тебе на шею. А я же не вол и не верблюд...

Когда они вышли, я снова сел за стол и обложился книгами. Но какая может быть работа после всего того, что здесь случилось?

АННУШКА ИСЧЕЗЛА

За обеденный стол мы сели втроём.

– А где же Аннушка? – спросил я у Наташи.

– Мы сначала плакали в малине, – беззаботно ответила она, склонившись над тарелкой. – Потом я ушла плакать на вишню, а Аннушка осталась.

Мама укоризненно посмотрела на меня.

– Наверное, обидел ты её чем-нибудь? – спросила она.

– Повздорили мы немного, – виновато признался я.

– Высечь бы тебя, да некому, – вздохнула мама.

Пожалуй, следовало бы...

Я вылез из-за стола и пошёл в малинник.

– Аннушка!

Молчание. Наверное, сидит где-то в кустах и обижается.

– Ну, подулась – и хватит, – примирительна сказал я. – Пошли обедать!

Молчание.

Пришлось мне облазить всю малину.

Потом я искал Аннушку в сарае, на чердаке, в кукурузе, в школе... Осталась, наконец, одна надежда на Колю. Хорошо, что хоть он дома оказался.

– Ты Аннушку не видел?

– Видел. – Коля что-то выпиливал лобзиком. – Она попросила денег из моей копилки. – Он критическим взглядом оглядел свою работу. – Сказала, что скоро прийдёт. Только они мне совсем не нужны.

«Зачем ей деньги? – подумал я. – Наверное, не хочет со мной обедать, пошла в столовую...»

– Тебе, Коля, вот какое задание, – говорю ему. – Разущи, пожалуйста, Аннушку и скажи ей, что хватит, мол, обижаться, пусть домой идёт. Понял?

Коля кивнул головой и стал быстро собираться.

Маме я решил ничего не рассказывать. Она у меня болезненная. Чуть разволнуется – и сразу же ложится в постель. А чтобы она не беспокоилась об Аннушке, я ей соврал, что она с Колей уже пообедала и сейчас купается.

И вдруг я вспомнил, что у Аннушки тоже есть своя копилка. Я ворвался в её комнату. Посмотрел на столик, копилки не было. А ведь там лежало около восьми рублей, я это точно помню. Да Колины десять. Зачем ей столько денег сразу?

Но тут я увидел, что не хватает также многих Аннушкиных вещей.

И мне сразу стало всё понятно.

Я быстро написал маме записку, чтобы она нас скоро не ждала, потому что у нас с Аннушкой есть одно очень весёлое дело. Потом оделся и тихонько, чтобы

никто не заметил, выскочил из дому.

На автобусной станции, куда я, запыхавшись, прибежал, уже ходил перепуганный Коля. Он сказал, что Аннушку здесь недавно видели, а уехала она или куда-то ушла, никто не знает.

– Передай моей маме, что мы с Аннушкой уехали в город, – попросил я. – Только так, чтобы она не очень волновалась. Понял?

Коля кивнул головой. Он всё понимал. Немного погодя он с грустью спросил:

– А она навсегда уехала, да?

– Думаю, что нет, – ответил я. – Если не сегодня, то через день-два мы обязательно вернёмся.

До следующего рейса оставался целый час. Значит, я опаздываю на каких-то три часа, не меньше. Из города до Москвы можно добраться только поездом или самолётом. Но поезд уходил только ночью, а на самолёт я всё равно не успевал. Хорошо, если бы и Аннушка не успела! А впрочем, кто её пустит в самолёт – маленькую девочку без документов и сопровождающих?

Когда я приехал в город, было уже совсем темно. Первым делом я подался на железнодорожный вокзал. Там я спросил дежурного милиционера, не видел ли он девочки лет десяти, с подстриженными каштановыми волосами, в белых лакированных сандаликах.

– А во что она одета? – спросил милиционер.

– Или в сарафанчик, зелёный такой с красными цветами, или в белое платье в синюю полоску, – подумав, ответил я. – Она, понимаете, решила одна уехать в Москву.

– Ай-я-яй, – сказал милиционер. – Нет, такой девочки я не видел... Но вы не волнуйтесь, – добавил он, с состраданием глядя на меня. – Если она здесь, то через две минуты я вам её доставлю. Живую и невредимую.

И, козырнув, он исчез.

Возвратился милиционер не через две минуты, а через долгие полчаса. Ещё издали смущённо развёл руками.

– Да не волнуйтесь вы, – ещё раз ободрил он. – Найдётся ваша девочка... А она в нашем городе впервые?

– Нет, мы с ней были здесь однажды, – сказал я. – Когда ехали из Москвы в деревню.

– А на каком транспорте вы добирались? – поинтересовался милиционер.

«Какое это имеет значение?» – подумал я, но ответил:

– Самолётом до Киева, потом на «Ракете»...

– Почему же вы не сказали раньше? – Милиционер даже присвистнул. И сразу же замолк, украдкой оглянувшись: милиционерам строго-настрого запрещалось свистеть на посту. – Так вы же её совсем не там ищите! – весело сказал он; – Её нужно искать только на речном вокзале, и больше нигде! А если бы вы ехали поездом – то только здесь, и больше нигде! Уж поверьте моему опыту.

Заметив мою нерешительность, он добавил:

– Езжайте, не бойтесь. Если она только здесь появится, до вашего прихода не уйдёт никуда! – И он снова откозырял.

Но я сначала заглянул в аэропорт. И, как оказалось, совершенно напрасно.

В – здании речного вокзала уже выключили внутренний свет. У причала покачивалась на ленивой волне какая-то «Ракета». Чуть поодаль танцевало несколько простых катеров. И нигде – ни души.

В зале ожидания было сонно и сумрачно. Старенькая уборщица неспешно возила туда-сюда мокрой тряпкой, наброшенной на швабру. Редкие пассажиры, ожидая послед, них рейсов, сладко зевали в удобных кожаных креслах. Над спинками виднелись лысины, шляпы, цветастые деревенские платки. И ни одной детской головки.

Я медленно проходил вдоль рядов, чувствуя, как с каждым шагом куда-то уходят мои силы. Ну что я теперь скажу Аннушкиной маме? И где её искать дальше, маленькую девочку, в незнакомом ночном городе?

Последний ряд – никого нет...

Вот и всё. Впереди – тусклая тёмно-зелёная стена с чёрной мрачной нишей. А в нише неясно желтеет деревянная скамейка, и на ней, положив под голову небольшой узелок, спит девочка в белом с синими полосами платице...

ЕЩЕ ОДИН СЕРЬЕЗНЫЙ РАЗГОВОР

– А кто тебя научил спать в сандаликах? – спокойно спросил я, хотя мне хотелось танцевать от радости.

– Это ты, Володя? – сонно улыбнулась Аннушка, пытаясь открыть глаза. – А мне такое приснилось... – И она осеклась.

– Нет, Аннушка, ничего, тебе не приснилось. Всё так и есть. Вон уже и уборщица, пошаркивая шваброй, приближается к нам. Нужно подниматься. Мы вышли на привокзальную площадь. Подул свежий речной воздух, и Аннушка поёжилась от холода. Я прощупал узелок с ее вещами.

– У тебя что-нибудь тёплое есть?

Она виновато промолчала.

Я набросил ей на плечи свой плащ, и она, закутавшись в него, как маленький зарёванный принц, терпеливо ждала, пока я ловил редкое в этих местах такси. Через несколько минут мы уже ехали домой.

Машина, выхватывая фарами из полумрака то несколько фигур, то перебегающую через дорогу собаку, быстро въехала на широкий и длинный мост, переброшенный через Днепр. По обе стороны от нас пролетали во тьму красные сигнальные буйки, медленно удалялись ярко освещённые теплоходы. Потом мы обогнали медленно ползущий московский поезд и со всего размаха врезались в плотную завесу лесного тумана. Машина, подпрыгивая на выбоинах, замедлила свой бег, и нас начало покачивать, как на медленных морских волнах. Аннушка начала помаленьку приваливаться к моему плечу. «Заснула, видно, бедняжка», – подумал я и, чтобы ей было удобнее, подставил под голову свою руку. Аннушка зашевелилась, поудобнее устроиваясь, и неожиданно спросила сонным голосом:

– Ты почему меня не пожалеешь?

Глупенький человечек, если бы ты только знала, как я стараюсь удержать себя от этого.

– А как ты думаешь, стоит ли тебя жалеть за все, что ты сегодня сделала? – спросил я.

– И всё же пожалей, пожалуйста... Как моя мама. Она взяла мою ладонь и провела по своей головке. Если бы ты только знал, как мне было страшно... Тогда бы ты совсем, совсем не ругал меня...

– И мне было очень страшно. За тебя, – сказал я. – А ещё знаешь как мне было обидно?

– Почему обидно? – спросила Аннушка и ещё раз пожалела себя моей ладонью.

– Я тебе потом всё объясню, – сказал я. – Но сначала скажи мне, почему это ты собиралась уехать?

– Ты же сам, наверное, догадался, – ответила Аннушка и, немного помолчав, добавила: – За то, что ты не взял меня с собой... А потом, за то, что выгнал меня из своей комнаты. А ведь у меня никого, кроме тебя, здесь нет!

– Я понимаю, – согласился я. – Прости, пожалуйста.

– А я тебя уже давно простила, как только села в автобус... Дай, пожалуйста, платочек.

Она принялась вытирать лицо и нос.

– А ты за что на меня обиделся?

Сейчас, когда всё уже осталось позади и нас ждала тёплая уютная постель, её, наверное, всё больше интересовало то, как я волновался, как бегал, разыскивая её, по всему селу. И чем больше я бы волновался и бегал, тем приятнее было бы ей.

– Мне было обидно знаешь за что? – сказал я. – За то, что ты совсем не уважаешь меня...

– Что ты, Володя! – воскликнула Аннушка. – Я тебя очень, очень...

Но я перебил её:

– Если бы уважала, то написала хотя бы записку: «Володя, я обиделась на тебя, хочу уехать домой». А так – очень уж не по-товарищески поступила, очень. – Я немного помолчал. – А знаешь, как мы все волновались? Я просто места не находил себе! И если бы не догадался, что ты уехала, если бы Коля не узнал, что ты приходила на автобусную станцию...

– А Коля тоже меня разыскивал? – оживилась Аннушка.

– Ещё как... Так вот, если бы я не догадался, что ты уехала, я бы всех поднял на ноги и мы искали бы тебя в лесу, в степи, на реке, на дне пруда...

– Ой, не надо! – вздрогнула Аннушка.

– Хорошо, о дне не буду, – согласился я. – А вот когда ты собиралась уезжать, знала ли о том, что тебя в самолёт просто-напросто не пустят?

– Почему не пустили бы? – не согласилась Аннушка. – Я бы купила билет, деньги же у меня есть.

– А знаешь ли ты о том, что детям никто не имеет права продавать билеты на самолёт?

– Не знала, – призналась Аннушка.

– Ну вот... Допустим даже; что тебе удалось доехать до Москвы. Приходишь домой, а дверь заперта. Тебя ведь там никто не ожидал, правда?

Аннушка промолчала.

– Вот и сидела бы под дверью день, ночь... В одном платице. А ночи, хоть и лето сейчас, но всё же холодные. И сидела бы ты одинокая и голодная, как

потерявшийся котёнок.

– Ну что вы всё пугаете девочку! – не выдержал водитель. Он, оказывается, прислушивался к нашему разговору. – Переночевала бы у соседей, люди же наши все, советские!

– Конечно, можно, – согласился я. – Это не хитрая штука – переночевать у соседей неделю-вторую. Но как ты думаешь, Аннушка, мама очень обрадовалась бы, узнав, как ты поступила?

– Поругала бы, – созналась Аннушка. – А может, и отшлёпала бы немного... Водитель засмеялся. А я вот что придумал:

– Ну, если совсем немного, тогда попросим водителя сейчас же остановить такси...

– Сделано, – сказал водитель. Он приглушил мотор и повернул к нам весёлое лицо.

– выйду из машины, здесь осталось совсем немного, и попрошу его, чтобы он доставил тебя назад и даже усадил в самолёт. Я, конечно, против этого, но если уж тебе хочется так уехать...

– Нет, не хочу! – Аннушка испуганно вцепилась в мой рукав.

Такси мы остановили, немного не доехав до дома. Нужно было ещё договориться о том, что мы скажем маме.

Возле калитки что-то темнело. Я зажёл спичку. Прислонившись спиной к защёлкнутой двери, крепко спал воробышек Коля.

МЫ СТОИМ В УГЛУ

Аннушка стояла в углу до обеда, а я – до вечера.

– Ах, если бы ты был маленьким! – с сожалением сказала мама, показывая мне ремень.

Хороший ремень, старый, из сыромятной кожи. Я его ещё с детства помню.

Как хорошо быть взрослым!

Я НЕЧАЯННО ПОДСЛУШАЛ

Рано утром меня разбудили чьи-то звонкие голоса. Ещё не открывая глаз, я уже догадался, что это разговаривают Коля с Аннушкой.

Так и есть. На подоконнике стоял бидончик с парным молоком, а толстая ветка, к которой мы с Аннушкой приделали качели, равномерно покачивалась. Над веткой отливало голубизной чистое, без единой тучки, небо.

Я поднялся с постели и осторожно, чтобы не помешать разговору, выглянул в окно. Коля и Аннушка, больше некому. И разговаривают они, судя по всему, очень давно, потому что успели уже перессориться. Аннушка, в белой безрукавке и синих шортах, сидела на качелях спиной к Коле. Когда она сердилась на кого-то, то всегда поворачивалась к нему спиной. Мол, видеть тебя не хочу... А Коля, опираясь на большущий куст сирени, стоял рядом и сбивал хворостинкой с травы крупные капли росы. И хотя вид у него был довольно виноватый, уступать он, видимо, не собирался.

– Ну, что тебе ещё надо? – спрашивал Коля. – Мы же при тебе решили, что обо всём будет знать только одна Вера Николаевна. И больше никто из взрослых.

– Но почему же Володе нельзя ничего сказать? – сердито настаивала Аннушка.

– Он же наш, мы же его принимали в октябрят! Неужели ты забыл об этом?

– Ничего я не забыл. – Теперь Коля сбивал капли росы уже ногой. – Но мы с тобой одно, а класс – совсем другое, и дядя Володя для них чужой. Да к тому же он и взрослый.

– А почему же это взрослым нельзя ничего говорить? – не успокаивалась Аннушка.

Я уже давно понял, о ком шёл этот разговор и кого защищала Аннушка.

Правда, неизвестно ещё было, от кого она меня защищала. Но на всякий случай я мысленно поблагодарил её.

А Коля всё не сдавался:

– Нельзя говорить потому, что взрослые сами всё сделают, а нам останется только смотреть... Но если ты хочешь знать, я с самого начала был за дядю Володю.

– Вот за это ты молодец, – похвалила его Аннушка. – Но кто, как не взрослые, покажет нам, как нужно всё делать?

Что именно они собираются делать, Аннушка так и не проговорила.

Немного подумав, Коля сбил ещё несколько капель.

– Для этого есть Вера Николаевна, – ответил он. – И вожатые тоже есть.

– Ну, хорошо, – согласилась Аннушка. – Вера Николаевна, конечно, нам всё покажет. Но только кто нам поднимет тяжёлый котёл, кто его поставит на плиту, а? Вы же его вчера еле-еле втроём оторвали от земли... А Володя вон какой сильный – целых восемьдесят килограммов весит! Он сам мне об этом говорил.

Задумался Коля, даже росу перестал сбивать. Наверное, его больше всего смутили мои восемьдесят килограммов.

– А ещё нужно рубить дрова. И не какие-нибудь, а толстые-претолстые... Кто это сможет сделать, а? – продолжает Аннушка наступать. •

Опять молчит Коля.

– А потом, Володя знает такие места, о которых никто из вас даже не догадывается! Он мне сам говорил об этом. А сад школьный кто начинал садить, не знаешь? А я знаю Володя!

«Молодец, Аннушка!» – похвалил я её и дал себе честное слово, что с сегодняшнего дня буду покупать для неё самое вкусное мороженое и столько, сколько она сама пожелает.

А Коля тем временем затылок себе чешет.

– Ладно, я ещё раз поговорю с ребятами, – наконец согласился он. – Только мы ничего ему не скажем, пускай он сам обо всём догадается.

Теперь уже Аннушка задумалась.

– А если другие ребята не, согласятся?

– Ничего, согласятся, – успокоил её Коля. – Когда я с ними говорил о дяде Володе, почти половина согласилась со мной...

Я на цыпочках отогрёл от окна и начал одеваться.

Интересно, куда это они собираются меня приглашать?

Я так задумался об этом, что надел рубашку задом наперёд.

КАЧАЕМ БУЙНОЙ ГОЛОВОЙ

На школьном дворе настоящее столпотворение.

Но это только так говорится – столпотворение. На самом деле никаких столбов здесь не творили. Стояла только одна радиомачта с красным флагом на верхушке.

Зато было очень много ребят. Может, тридцать, а может, и целых сто. Разве их можно пересчитать, если они носятся как угорелые? И шум стоял невообразимый.

Всё это и называется столпотворением.

Да ещё из школьного репродуктора на полную мощь гремела грустная песня:

Вот мчится тройка почтова-а-я

Вдоль по дороге столбовой.

Ямщик, уныло напева-а-я-а,

Качает буйной головой...

Аннушка, которая пригласила меня сюда, на минуту остановилась у ворот.

Выслушала песню до конца, горестно покачала подстриженной головой:

– Очень хорошая песня... Даже плакать захотелось.

Я уже полез в карман за платочком, но она, выпустив мою руку, с весёлым криком бросил ась в школьное столпотворение.

А я стоял посреди двора и растерянно озирался. Хорошо, что, кроме меня, в школе оказался ещё один взрослый.

– Ты мне не скажешь, что всё это значит? – спросил я у подошедшей учительницы, Веры Николаевны. Мы с ней когда-то занимались в одном классе. Помню, я ещё в неё стрелял из резинки. За то, что не давала задачи списывать...

– Об этом ты у Аннушки спроси, – посоветовала Вера Николаевна. – Она обо всём знает.

– Спрашивал, – вздохнул я. – Только она ничего мне не сказала.

– Молодец Аннушка, твёрдый она человек, – похвалила её Вера Николаевна. – Ну что же, придётся тебе самому обо всём догадываться. Могу только сказать, что вся эта затея началась с письма Аннушкиной мамы...

– А я уже, кажется, догадался, и давно, – перебил я Веру Николаевну. – С сегодняшнего утра догадался.

– Ну и что же они решили? – заинтересовал ась Вера Николаевна.

– Сказать?

Я украдкой оглянулся – не собирается ли кто-нибудь подслушивать нас?

– Будете варить варенье... Верно?

Вера Николаевна кивнула головой и приложила палец к губам: молчи, мол!

– Но где же вы достанете столько фруктов? – негромко спросил я. – А сахар где достанете, а банки? А варить кто вам будет? А...

– Всё заключается в случайностях, – загадочно ответила мне Вера Николаевна.

– Мы случайно прочли Аннушкино письмо, вчера случайно достали у председателя колхоза банки, сахар, меня случайно вызвали из отпуска.

– Всё это хорошо, – согласился я. – Но где вы достанете столько фруктов?

Вера Николаевна снова приложила палец к губам.

– Дело в том, что сегодня директор школы случайно придёт сюда – он тоже в отпуске – и скажет: «Вот вам, ребята, школьный фруктовый сад, вы в нём

полные хозяева, делайте что хотите». Как видишь, всюду одни только случайности. А так никто из взрослых ни о чём даже не догадывается. Я даже засмеялся от удовольствия: ну и хитрые же эти взрослые! Почти как я сам.

Но в это время кто-то дёрнул меня за рукав. Оглядываюсь – Аннушка.

– Что-нибудь случилось?

Аннушка извинилась – вот какая вежливая! – перед Верой Николаевной за прерванную беседу и протянула мне небольшой листик бумаги.

– Что это у тебя?–

– Стихи. Только что сочинила...

Беру листик в руки и читаю вот что:

Ребята с БАМа, пейте с чаем,

Берите ложкой и рукой.

Мы, за подарок отвечая,

Качаем буйной головой.

– Ну как? – застенчиво спросила Аннушка. – Правда, неплохо?

– Вообще-то первые две строки будто бы неплохие, – осторожно начал я, – При условии, что ребята с БАМа окажутся точно такими же поросятами, как и вы, – будут управляться с вареньем без ложек.

– А откуда тебе известно, что мы будем делать варенье? – перебила меня Аннушка и подозрительно посмотрела на Веру Николаевну. – Кто тебе об этом сказал?

Ну кто меня дёрнул за язык! Теперь придётся спасать и Веру Николаевну.

– Какое варенье? – сделав круглые глаза, поразился я. – Если я сказал – варенье, то это просто так, для примера... А вот вторые две строки у тебя, Аннушка, слишком уж грустные. Потом, скажи, пожалуйста, откуда ты научилась выдавать слова из чужой песни за свои собственные?

– Из какой песни? – теперь уже наступила Аннушки на очередь удивляться.

– Из той самой, в которой ямщик, уныло напевая, качает буйной головой,

– А-а... – вспомнила Аннушка. – Но ведь он только напевает, а у меня тут написано, что мы отвечаем за подарки и совсем не поём.

– Хорошо, – согласился я, – но когда вы отвечаете за подарки, что вы при этом делаете? Прочти, пожалуйста, последнюю строку.

Аннушка опустила голову и сказала:

– Качаем буйной головой...

– А ямщик что делал? – спросил я уже потише, потому что к нашему разговору начали прислушиваться новые Аннушкины, друзья во главе с воробышком Колей.

– Он делал то же самое... – Аннушка подняла голову и честно призналась: – Ты же знаешь, Володя, что я умею хорошо сочинять только первые две строки, а вторые две я ещё не пробовала ни разу. Вот если бы ты мне помог.

– Извини, Аннушка, сейчас мне некогда, – вежливо отказался я. – Но ты не очень-то унывай, а лучше представь себе, что первые две строки придумал кто-то другой, а тебе приходится их продолжать, – посоветовал я. – И у тебя обязательно всё получится, сама увидишь.

– Хорошо, я ещё подумаю, – согласилась Аннушка. Она подошла ко мне после собрания, на котором выступил директор школы. За ней следовали воробышек Коля с приятелями и приятельницами.

Теперь на листке было написано вот что:

Ребята с БАМа, пейте с чаем,

Берите ложкой и рукой,

Мы за подарок отвечаем

Своей весёлой головой.

– Пожалуй, немного веселее, – прочитав, сказал я. – Но могло быть и лучше.

– Ничего не лучше! – сразу же закричали мальчики и девочки; Коля кричал громче всех. – Очень даже хорошо, почти замечательно!

А рыжий мальчишка, тот самый, что меня не пустил на первое собрание, аккуратно переписал эти стихи на большой лист бумаги, и все октябрюта принялись их учить наизусть.

Я вздохнул, случайно установил на плите два больших и довольно тяжёлых котла, ещё раз вздохнул и совершенно случайно принялся колоть дрова.

СПАСЕНИЕ

– Каждый из них лазает по деревьям не хуже мартышки, – сказала мне Вера Николаевна. – Но если встретятся вдвоём на одной ветке – быть неприятностям... Так что будь с ними поосторожнее.

После того как я установил котлы и нарубил дров, меня назначили старшим по сбору вишен.

– Вы один можете перенести две полные корзины, – сказал мне хитрый Коля, который наверняка знал, что старший отвечает не столько за сбор вишен, сколько за их доставку. Эти его слова и решили мою судьбу.

А ребяташки и вправду неплохо умели лазить по деревьям. Не успел я оглянуться, как они удобно расселись по веткам и, словно скворцы, начали быстро склёвывать сочные тёмно-красные ягоды. Одну – в лукошко, другую – в рот. Косточки, конечно, летят в затылок соседа. Но скоро им эта стрельба надоела, и они принялись играть в пятнашки. А Коля и рыжий мальчишка, стоя на ветке в двух метрах от земли, принялись толкать друг друга ладонями. Словно это не ветка, а обыкновенное спортивное бревно. У меня даже сердце замерло.

– Что же вы делаете? – закричал я. – Так и покалечиться недолго!

Мальчишки удивлённо уставились на меня.

– А мы всегда так играем, – ответил рыжий.

– Играйте как хотите, но только в другом месте, – рассердился я. – А если ещё раз увижу подобное, мигом отправлю к девчонкам чистить ягоды! Кто здесь старший, я или вы?

Они недовольно переглянулись и нехотя расползлись по своим местам.

А тут и корзина наполнилась, за ней вторая. Отнёс я их к плите, хотел было переговорить немного с Аннушкой или Верой Николаевной, как слышу – на вишнях крик поднялся. Ну чисто тебе грачиный переполох!

Бросил я свои корзины и помчался на этот шум:

– Что случилось?

Но можно было бы и не спрашивать. Уже надоевший мне рыжий мальчишка каким-то непонятным образом ухитрился зацепиться брюками за сучок. Как мотылёк на булавке. Мельтешит руками и ногами, стараясь ухватиться за что-нибудь, да только не за что, потому как спиной к веткам висит. Сук длинный и тонкий, не выдержит не то что меня, а и любого мальчишку, который полезет на помощь. А до земли метра три, не меньше.

У меня даже в глазах потемнело от испуга. Но чтобы никто об этом не догадался, говорю бодрым голосом:

– Доигрался? Теперь повиси, отдохни немного.

А у самого сердце так и колотится: что будет, если сук треснет или не выдержат брюки?

– Что будем делать? – спрашиваю у ребят.

– Нужно сбегать за стремянкой, – советует один.

– Так она же в кладовой, а кладовая закрыта сейчас, – возразил всезнающий Коля. – Да и не достанет она, пожалуй.

– Что ж, так ему и висеть? – спрашиваю я.

А рыжий мальчишка даже извиваться перестал: понял, что бесполезно.

– Пускай Витя расстегнёт брюки, – придумал кто-то. И сразу выпадет из них. А брюки мы потом достанем.

Рыжий Витя хотел было сделать так, как ему советовали, но здесь, к несчастью, начали сбегаться девчонки. Да и я не разрешил.

– Нельзя ему из брюк выскакивать, может полететь вниз головой, – сказал я. – А он же не кошка, может и не вывернуться.

Задумались ребята.

А Витя всё висит на суку, и вид у него такой, точно навсегда решил попрощаться с нами. Сук длинный, и ни одной ветки вокруг, разве что сверху.

А что, если...

И я полез на дерево. Медленно ползу по этой ветке.

Начала она наклоняться всё ниже и ниже.

– Как только сможешь достать ветку, сразу же цепляйся за неё, – советую Вите.

А ветка всё больше прогибается подо мной, уже и потрескивать начала.

Посмотрел я вниз и даже глаза зажмурил – высоко... Но лучше уж я ногу сломаю, чем пострадает этот акробат Витя.

Ещё немного... и ещё...

Что-то громко треснуло.

Внизу кто-то приглушённо охнул. Аннушка.

Ещё чуть-чуть.

Наконец Витя ухватился за ветку.

– Обожди, пока я слезу, – говорю ему. – А то она может и не выдержать нас с тобой.

Отполз к стволу, оглянулся – Витя уже верхом на ветке сидит. Как ни в чём не бывало.

А я ниже слезть не могу. Ноги не держат.

– Ура! – запищали внизу.

А Аннушкин голос всех перекрыл:

– Вот что значит – восемьдесят килограммов! Сразу ветка нагнулась. А я вцепился в ствол, как собака в кость, и подумал о том, что Аннушка на этот раз ошиблась. Хорошо, если хоть семьдесят килограммов во мне осталось. От переживаний...

КАК ДЕЛАЮТ ВАРЕНЬЕ

Когда я был маленьким, то думал, что нет на земле более увлекательного дела, чем есть варенье. За это моя мама даже прозвала меня вареньевым долгоносиком. Только это ей не помогло.

Но теперь-то я твёрдо убеждён, что делать варенье не менее интересно, чем пробовать. Уж я-то знаю – мы целых пять дней варили его!

А делают варенье так...

Прежде всего собирают ягоды – вишни, абрикосы, сливы... Об этом заботятся мальчишки, у которых я был за•старшего.

Потом их тщательно моют, вынимают косточки. Это делают девочки – они более аккуратны.

Затем вожатые приносят из кладовой сахар и засыпают им очищенные ягоды. После этого все сбиваются в тесную кучку и, украдкой облизываясь, смотрят, как из-под толстого сахарного слоя, словно светло-красная проталина, появляется сок. Сладкий-пресладкий! И с кислинкой, если это простая вишня. И когда сахар, растворяясь, будто проваливается на дно котлов и на поверхности показываются первые, уже засахаренные ягоды, только тогда за дело принимается Вера Николаевна в белом поварском колпаке и чистом халате.

– Внимание! – говорит она, и мы застываем, готовые беспрекословно выполнять любую её команду.

Правда, кое-кто, не понимая торжественности этой минуты, ещё переминается с ноги на ногу, но мой взгляд сразу превращает его в статую.

Развести огонь!

Я НЕ ВАСЯ

Как вы думаете, кто самый главный человек при варке варенья? Конечно же, я. Сбылись Колины опасения, но никто не горюет об этом. После случая с Витей ребята избрали меня своим вожаком. И теперь я слежу за огнём.

Если кто-нибудь убеждён, что следить за огнём – занятие никудышное, он никогда не получит от меня даже ложечки варенья. Как бы он ни старался. Во-первых, без огня ничего никогда нельзя сварить. Во-вторых, на огне можно всё сжечь. Не успеешь и глазом моргнуть, как вместо благородного занятия – варки чудесного варенья, – тебе приходится отдирать от стенок подгоревшую горькую корку.

Поэтому, чтобы ничего подобного не случилось, возле плиты всегда должен находиться очень опытный и находчивый человек. Похожий на меня. Иначе никогда не получится настоящего варенья. Только фрукты напрасно переведёт. Поэтому пусть он сначала поучится у такого опытного человека, как я.

Сначала я с помощниками раскладываю под котлами сильный огонь и жду, пока на поверхности появятся первые пузырьки. После этого внимательно наблюдаю за Верой Николаевной: что она прикажет делать дальше?

Но ещё внимательнее я наблюдаю за своими добровольными помощниками. Как бы не вышло чего. Их у меня видимо-невидимо – все, кто сейчас не собирает ягоды и не вынимает из них косточки. Лица у моих верных помощников до неузнаваемости испачканы соком да сажей; и каждый из них держит в руках полено – старается просунуть его в топку без очереди. Сейчас я более-менее спокоен. Возле топки, как мне кажется, стоит всезнающий воробышек Коля.

Внимательно смотрю на Веру Николаевну. Посматриваю и за Колей. А вокруг нас гудят нетерпеливые пчёлы. И откуда только они узнали, что мы собираемся делать? Та, которая прилетела первой, сначала покружилась над котлами, потом пожужжала над Верой Николаевной, точно упрашивая её побыстрее приняться за очень важное и полезное дело, и только после этого принял ась обследовать меня – видимо, я, как человек в здешних местах новый, вызвал у неё какие-то подозрения. Я хотел отмахнуться от неё, но она, сердито вжикнув, спикировала на мои волосы, отчего макушке сразу же стало холодно. Затем, неторопливо поползав по моей шее и правому уху, улетела к котлам, откуда начал показываться кудрявый, вкуснопахнущий пар. Я вздохнул с облегчением и стёр со лба холодные капли.

И в это время Вера Николаевна взмахнула наконец большим черпаком – пора! – Коля, убавь огня! – командую я неизвестно отчего•осипшим голосом.

– А я не Коля, – донеслось от топки. – Я Вася.

Что за наваждение – ведь только что у топки стоял Коля! Внимательно присматриваюсь к тому, кто первым стоит у топки, и безнадежно взмахиваю рукой – разве можно их теперь отличить друг от друга?

– Ладно, Вася так Вася, – соглашаюсь с ним. – Только всё же убавь немножко огня.

Вася моментально выполняет мою команду. А я снова смотрю на Веру Николаевну.

Вера Николаевна смотрит на булькающие котлы. Все смотрят на нас.

Работа кипит.

Вот Вера Николаевна быстро-быстро замахала своим огромным черпаком.

– Вася, ещё убавь огня! – командую помощнику.

– А я не Вася, – отвечает мой помощник. – Я Коля.

Ну уж погоди – Колю-то я узнаю наверняка! Сейчас я вас отучу от игры в прятки!

Хватаю крепче упирающегося помощника за воротник и волоку к умывальнику. Старательно умываю, с мылом. Вымыл, посмотрел – и впрямь воробышек Коля!

ВКУСНО!

Вкусных вещей на свете не перечесать, уж я это точно знаю. Но вряд ли что-нибудь может сравниться со свежей пенкой от варенья...

Правда, в этом, наверное, были убеждены все, не только я. Потому что каждый пришёл со своей ложкой. И всё же самая большая ложка оказалась у меня.

Стоим мы, переминаясь с ноги на ногу, возле плиты – ждём, пока Вера Николаевна не снимет черпаком с поверхности котлов булькающую пенку.

Потом дружно принимаемся за дело.

Пенку можно употреблять по-всякому. Можно есть совсем уж остывшую, намазывая её толстым слоем на большой кусок хлеба с маслом. Можно и без масла. Некоторые и без хлеба ухитряются есть, и ничего с ними пока не случилось. Вот к ним-то и я отношусь.

Но, оказывается, что самая вкусная пенка именно такая – горячая, густая, с шумно лопающимися сахарными пузырями, на свежем воздухе сваренная. Да ещё сваренная своими собственными руками!

Стоим пробуем. Пчёлы, словно попрошайки, завистливо гудят над нашими головами. Но я сейчас не обращаю на них никакого внимания... Солнце заглядывает в наши ложки. Тоже, наверное, завидует. Ах, какая вкуснотища!

– Всё, еду на БАМ! – решительно заявляю я, вылизывая ложку. – Если, конечно, будете присылать варенье.

– А мы вам целое ведро вышлем, нам не жалко, – отвечает воробышек Коля. Он снова ухитрился испачкаться, на этот раз вареньем. – Прямо хоть сейчас вышлем!

Вот хитрец – моё место хочет занять!

– Ну уж нет, – твёрдо отвечаю ему. – Сейчас я буду есть пенку!

Когда мы прикончили кастрюльку с пенкой и, довольные, начали расходиться по домам, Аннушка призналась:

– Знаешь, Володя, я думаю, что никогда ещё в моей жизни не было так вкусно.

И так хорошо тоже, пожалуй, не было. А тебе?

– Очень уж вкусная была пенка, – согласился•я.

– Ах, ничегошеньки ты не понимаешь! – радостно воскликнула Аннушка. – Ведь мы её своими руками делали!

ТЕЛЕГРАММА

Сгибаясь под тяжестью сумки, навстречу шёл наш старый знакомый почтальон. Ещё издали он вежливо поздоровался с нами и начал рыться в сумке.

– Вам телеграмма, – сказал он. – Распишитесь, пожалуйста.

Я расписался и, пока Аннушка благодарила почтальона, прочёл телеграмму раз и ещё раз. Молча протянул Аннушке.

В телеграмме было написано:

«Командировка окончена тчк Жду не дождусь Аннушку домой тчк Ирина тчк».

– Ну вот, пора и домой собираться, – сказал я Аннушке. – Радуетесь?

Молчит Аннушка, не знает, что ей ответить.

Только с печалью смотрит то на телеграмму, то на разбегающихся ребят.

Эх, мама, мама! Ты-то свои дела закончила, а мы...

ДО СВИДАНИЯ!

Скучно...

Вот уже неделя, как мы возвратились из деревни.

Лежу в своей комнате, изо всех сил стараюсь работать.

Да плохо почему-то работается. Тихо вокруг и пустынно.

Слишком уж тихо и пустынно. Только что звонила Аннушка:

– Здравствуй, Володя! А я письмо получила! Уже сто банок закрутили и абрикосы начали собирать! А ты что делаешь?

– Да так, – уклончиво отвечаю Аннушке. – Пока ничего не делаю.

– А мне очень некогда, я писать буду ответ, – отвечает она. – До свидания!

В трубке запищало. Стало ещё грустней.

За окном ветер играет пожелтевшей листвой, взвизгивают на поворотах троллейбусы да такси. Во дворе прогуливаются мамы да бабушки с разноцветными колясочками. Ребятишек не видно – отдыхают ещё в лагерях, вот-вот должны возвратиться...

На столе недописанная работа лежит, меня дожидается. Скучно...

А где-то далеко, за тридевять земель; ласковое августовское солнце просвечивает сквозь выгоревшую листву, неподвижный воздух пропитан сосновой смолой и горьковатым дымом. А у плиты толкутся весёлые ребятишки, над ними, срываясь на басах, гудят золотистые пчёлы.

А главное, пенка в котлах пузырится. Очень хорошо там, где нас нет.

А что, если встать с дивана, подойти к телефону и, набрав знакомый номер, сказать Аннушкиной маме: «Слушай, Ирина... Ты, случайно, не собираешься снова в командировку, а?..»